

К - 1271229

Станислав МИШНЕВ

ПОСЛЕДНИЙ МУЖИК

Станислав МИШНЕВ

ПОСЛЕДНИЙ МУЖИК

РАССКАЗЫ

Вологодская писательская организация
Литературный фонд России
Вологда
1998

ISBN 5-85320-270-7

© Мишинев С.М., 1998

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я родился в 1948 году в Тарногском районе Вологодской области. Работал механизатором, теперь - фермер.

Год от года все сильнее оседают дедовские кряжистые избы с замшелыми крышами. Все меньшее остается на земле былой пахарской рати. Отходят в мир иной те, чьими руками раскорчеваны пашни, уносят с собой предания и неписаные законы старинного уклада. Хиреют деревни, безлюдеют. Забываться стали обычай, праздники, ремесла. Иным стал мужик, очерствел душой.

Давно нет уважения к горбушке хлеба, а стало быть, и к кормильцу Отечества. Как только не ломали кормильца этого, на какую цепь не сажали. Выжил он и в коллективизацию, перенес беспаспортное крепостное право, и до сих пор еще остается рабом. Трудно сказать, хорошо ли вырваться однажды из темницы и до одури наглотаться свежего воздуха. Сеет новое время новые семена, вот-вот в красный угол как прежде сядет Труд, о Лень вытурят ноги, благословят люди заботы тех, кто кормит их. Все бы ладно, да опасение большое. Уж очень сильно разрослось дурное семя - словоблудие, иждивенчество, косность, дележ шкуры неубитого медведя.

Не скоро мужик из наемника перекусится в хозяина, не скоро падет слеза при виде полумертвой родной деревни. А надо! Кровь из носу, а надо, чтоб осел народ на земле, или Русь пойдет по миру!

Станислав Мишнев

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

Сидим с женой на веранде и чаевничаем. Поздний вечер, громыхают вдали отголоски пронесшейся долгожданной грозы, полоснул последний дымящийся ливень, и спала, наконец, духотища, измаявшая народ.

Целый месяц стоял зной. Даже, по рассказам стариков, давно не было такой напасти. Усохли, не успевшие подняться, травы на лугах, не росла картошка, пересохли ручьи и пруды. Люди заглядывали в безоблачное небо, ругали космонавтов, понаделавших столько дыр в голубой выси, что Бог смешался со своими календарями, кляли синоптиков, обещавших осадков выше нормы. Хотя, конечно, могут и синоптики ошибаться, и при этом зарплата их не выпадает из карманов. Дождь вогнал в землю запахи гари вместе с дымчатой мглой, тянувшейся с дальнего болота, освежил иссохшие короба строений, обмыл саму землю.

Жена после грозы точно из мертвых воскресла, а то едва притащилась с сенокоса, свалилась у угла бани и раскисла разморенным маслеником. Понятное дело, сочувствовал ей, все бы зароды тебе выстоять. Хорош и бригадир, худоба людская, замурзовая бабу. Каждый сенокос так, раз добро в зароды сено кладет, то и продыху нет, стой, как под нагретой сковородой. Кто похитрее, те на воза сено накладывают, да в сторонке загребают, нет-нет да и охолонут минут пяток за кустиком.

Хорошая у меня жена, работящая, кроткая, словом человека не обидит и красивая. Нет, я не хвальюсь по дурости, правду говорю. Даже начинаящая местами слезать от солнечных ожогов кожа на лице не портит ее красоты, век бы смотрел в родные ласковые глаза, вдыхал запах волос моей Аннушки. Сидит, пьет чай неторопливыми глоточками и слушает меня: днем проходило заседание правления колхоза, новостей и предложений о плане уборочной страды много.

Под самыми окнами вдруг послышался девичий смех, мелькнуло через сетку-штору белое платье, и хрипловатый голос Сашки Матвеева начал что-то наговаривать своей голубке.

- Тише, - зашептала жена и поднесла палец к губам. - Опять Тамарка с этим хлюстом...

Хлюст не хлюст, а подслушивать некрасиво. Хотел рассмеяться, но сдержался: пусть слушает, коль охота, может, душой она сама сидит вместо влюбленных на чурках около нашего дома и заново ощущает трепет той, нашей любви. Ведь ничем не обижена. Разве не носил я ее на руках, и не млела она в моих объятиях,

не страдала от моей дикой ревности, или не молился на нее? Нет, что было - то было, а вот до третьих петухов я не шлялся.

Счастлив ли я? Стереотипный вопрос и такой же стереотипный ответ: женат, детей двое, дети крепыши, живем без вывихов восьмой год, в семье достаток.

Счастье... Вон жена замерла от чужого счастья, сама не своя. Или оно у нас не такое, как у людей? Чепуха какая-то. Ну чего ты, Аннушка, вся ушла в слух от чужого перешептывания? Ну, сердце мое, оглянись на себя, вспомни глубокую осень, посвист зимней поземки, протяни опять руки к огню догорающего на ветру костра, снова посиди со мной в кабине трактора, гремящего и вздрагивающего на замерзшей дороге, улыбнись той застенчивой улыбкой на мой давний глупый вопрос!..

Гнал я тогда со станции Костылево новый ДТ-54, гнал и не думал, что повстречаю свое счастье на большой дороге, среди ноябрьской глухой ночи...

...Весной я окончил техникум и начал работать заведующим ремонтной мастерской колхоза. Моя трудовая биография началась скверно. Конечно, за четыре года учебы в техникуме кое-что осталось в голове, но вот подходит раз ко мне пожилой тракторист с мешком на плече и говорит: "Бортовая полетела".

Как все было просто потом, а тогда... Стою идиотом, в башке рисуется навозная телега, на которой в детстве прошел хорошую практику, и скрипят колеса на деревянной оси. Мне бы в мешок тракториста заглянуть, руками пощупать рваные манжеты, про читать цифри на обоймах подшипников... Тракторист смотрит на меня и ухмыляется, а мне эта ухмылка горше крапивы. Выруг чил старший механик, пробегающий мимо, послал тракториста на склад за деталями.

Нет, обижаться мне на рядовых не приходится, насмешек и подвохов с их стороны я не испытал, меня не гоняли, как некоторых молодых, с пустым ведром за компрессией, не просили дать пилу по опилкам, не посыпали к угрюому инструментальщику за весьма оригинальным инструментом "вытаской". С тех пор, с этой самой ухмылки пожилого тракториста, дал себе слово: не я буду, если не смогу определить с первого взгляда, из какого узла попавшая мне на глаза корончатая гайка, если не буду знать, как таблицу умножения, номиналы коленвалов, поршней, зазоры в сопряжениях всей техники, что была тогда в колхозе.

Слово свое я сдержал. А вот наряды - пропадом! - мучили страшно. В конце каждого месяца нужно начислить всем работавшим на ремонте или в мастерской. Расценки... Меня

тошило от истрепанной, замасленной тетради, в строчках которой черт ногу сломит. Заплата на заплате, шпильки, метры сварочного шва, подгонка, оправка, гибка, сборка-разборка, шкворни, тяги... Расценки были времен царя Гороха, приходилось быть и нормировщиком, и экономистом, и бухгалтером, и милиционером.

Колдуешь, мухлюешь, урезаешь, округляешь, мудришь, а тут вваливается в кабинетик прожженный и тертый калач Букин и давай клинить: шестигранника нет, фасаны нет, инструмент плохой, а ты надо мной стоишь, как над мертвым телом, и минуты обсчитываешь?.. Боже милостивый, поневоле взвоешь.

Пока учился, все было просто, а как начал притираться среди этих заплат, расценок, кузнечных поковок, среди характеров механизаторской братии, помянул не раз отца родного недобрый словом, отправившего меня в техникум...

В ту осень пришла со станции Костылево телеграмма: для колхоза поступил трактор. Поуговаривали председатель со старшим механиком некоторых трактористов, но безуспешно, у одного проклятый радикулит спину превратил в косяк дверной, у другого жена в отпуске, по городам поехала и пацанов одних не бросишь, у третьего корова вот-вот должна растелиться!

Тут старший механик с легкой руки и уговорил меня.

Близился конец месяца, вот-вот должна была прийти повестка из военкомата о призывае меня в армию, и я согласился: давай, куда ни шло! Военкому на всякий случай позвонил, мол, не забыли меня, но тот коротко бросил: "Надо будет - вспомним". Завидовал сверстникам, которые уже справили прощальные вечера и послали родным первые письма со службы: время уходило.

Старший механик обнадежил, что поеду я через колхозы, а там люди свои и всегда рады помочь, что он будет на телефоне и сам поможет в случае чего. Эх, молодо-зелено! За сто сорок километров с одной сумкой, в которую мать положила каких-то харчей...

Весь день ехал на попутной райсоюзовской машине по раскисшей дороге. Шофер клял почем зря местную власть, дорожников, начальство райсоюза, добирался в выражениях до всех святых, буквовал, сидел "до мостов", но ехал вперед. Бывалый оказался дядька. От постоянного пребывания на дождях и ветру, от летнего зноя, кожа на его лице превратилась в невыразительную пергаментную маску с глубокими морщинами на лбу и щеках, только глаза, со смешинкой, встречающиеся с моими глазами, были добрыми, ровными.

До станции добрались в десятом часу ночи. Водитель, Нико-

лай Иванович, приткнул машину у крашеного, не помню в какой цвет, забора и потащил меня с собой на квартиру /потом я понял, что эта квартира была для него вторым домом/. Он заставлял меня есть все, что метала на стол моложавая хозяйка.

Спать я улегся сразу же после ужина, на раскладушке среди комнаты. Все тело с непривычки ныло от тряски. А водитель сидел за столом красным молодцем, попивал чаек, беседовал с хозяйкой, и даже намека не было на какую-то усталость. Вот, подумал я, закалка..

Проснулся рано, огляделся. Николай Иванович спал с хозяйствой, обняв ее волосатой руцищей; женщина, свернувшись калачиком, свистела носом в подушку.

Тихо оделся, взял со стула свою пустую сумку и вышел в сени. Сапоги, обляпанные грязью, стояли у входной двери, где я их ночью сбросил. Обул их, холодные, тяжелые, сырье, и был та-ков...

Пока получил трактор, пока спорил с упрямым кладовщиком, что не надо мне никакого прицепа в довесок, пока подтягивал все доступные гаечному ключу резьбовые соединения, дня как не бывало. Едва успел заскочить в магазин да купить кой-какой снеди. А прицеп кладовщик все равно навалил, мало того, еще уговорил меня увезти на прицепе опрыскиватель.

До сих пор с благодарностью вспоминаю крановщика станции, который, погрузив мне опрыскиватель, великодушно разрешил залить под завязку пустой бак моего трактора горючим из своей пятикубовой емкости. А не выручи он горючкой, пришлось бы мне остаться в Костылево до утра, и неведомо как бы тогда сложилась моя жизнь.

С площадки выехал со светом фар. Еду на четвертой передаче - на пятой трактор "сам себя не везет", считаю в уме, сколько времени прокачаю, если мой "лайнер" идет пять километров в час, и на сколько хватит топлива... Пахнет в кабине обгорающей краской двигателя, гусеницы шлепают по грязи - шлеп-шлеп. Ехал до тех пор, пока понимал, по какой дороге ехать, а когда этих дорог при свете слабеньких фар стало великое множество, остановился. Эх, дороги!.. Нет, пылью и туманом они не пахли - объезд на объезде, перемычка на перемычке, в обе стороны на двести метров сплошные колеи.

Съел банку консервов, блаженно растянулся на сиденьях и мгновенно уснул под монотонный гул работающего двигателя. Но спал чутко - тревожно среди ночи в незнакомом месте на большой дороге. Очнулся от стука в дверку. Включил плафон, а

это... Николай Иванович собственной персоной! Только весь в грязи, будто водяной после прочистки реки святого Лаврентия, и усталый в корень.

Вань, выручи, сел до рамы. К утру и черту не вырвать - вмерзну, - прохрипел он. - Издаля услышал - движок тарабанит, едва нашел тебя.

Ступил я ногой на гусеницу и сразу ощутил на звеньях комья замерзшей глины; небо вызвездило, будто в январе, впустил Николая Ивановича в кабину, поехали.

- Бровкой, бровкой держись! - кричит он, наклоняясь к моей шее. - Скинет - обоим до горла работки... Час как начало морозить, а круто жмет, если до утра простою - верняком мост сорву. Да и пассажиры - старушка с девчонкой - мерзнут!

Метров через четыреста увидел я машину, намертво застрявшую в густой, уже скваченной морозом грязи.

Размотали трос, закрепили конец его к оси прицепа. Натягом, на первой передаче, кое-как поставил я машину в колею и по просьбе Николая Ивановича буксировал ее еще с полкилометра до небольшой горушки. Тут мы остановились, решили отдохнуть до утра.

Не буду рассказывать, как сдирали с машины колеса, чтобы очистить тормозные барабаны от грязи, а то бы прихватило их морозом лучше всякой сварки, как палили вместе с пассажирками Николая Ивановича костер в давящей со всех сторон темноте, как добывали топливо для того костра, как пили водку под неодобрительным взглядом моей теперешней жены.

От тепла костра, от выпитой водки мне захотелось спать, и как я ни пялил глаза на юную, с лицом греческой богини, пассажирку Николая Ивановича, сон одолел меня. И вдруг будто плахой хорошей ударили меня по животу, и тотчас боль смешалась с теплом и криком: "Ванька, гориши!" Очухался, а Николай Иванович молотит меня своим ватником, смеется Аннушка, прикрываясь воротником пальто, хохочет, не переставая кашлять, престарелая женщина, вторая пассажирка; пахнет горелой ватой, жжет внизу живота. Хватился руками - обе полы фуфайки прогорели до самой кожи и - срамотища! - тлеет ширинка брюк.

- Спалил, а?! - гогочет Николай Иванович. - Ну куда теперь такого в армию. Ох, мамочка родная, на глазах у прекрасного пола..

С досады рванулся к трактору, чтобы уехать - ну вас к лешему! Только хотел запустить двигатель, как из темноты вынырнул Николай Иванович.

- Куда?! Вода слита.

Ах, чёрт побери! Ну как я про воду забыл? А если бы двигатель разворотило?..

Под утро окончательно все озябли. Пока держишь руки над огнем - тепло, отошел в сторону за дровиной - околел. Чуть замержило, засвистела поземка. До сих пор слышу, как гудели телефонные провода, как ветер по-разбойнички горстями кидал в лицо снег, как носили воду из большой замерзшей лужи, вырубив в ней топором прорубь. А потом... Тысячу раз спасибо тебе, Николай Иванович, за то, что чуть не силком притащил Аннушку и засунул в мою кабину. Пихал ее, приговаривая: "Да садись к молодому, чего в кабине троим жаться". Не ведал ты, что судьбу в руки мне суешь.

Долгим и трудным был путь, но когда Аннушка вышла в Тарноге из кабинки, дальняя дорога показалась мне приснившимся раем. Хотелось еще и еще ехать вместе с этой удивительной девушки, видеть ее доверчивый взгляд, слышать голос, приятнее которого не было для меня ничего на белом свете...

- Ванечка, они целуются!.. - возвращает меня жена из прошлого.

- Дуреха! - шепчу ей. - Да я так тебя поцелую...

- Целовальник, - смеется Аннушка. - Один раз на руки взял и то уронил. Да еще в воду... Теперь-то смелый, а раньше обнять боялся.

- Это я-то боялся?! Ах, так...

Крадусь на одних носках и хватаю жену в обнимку.

- Думаешь, я хуже Сашки целовать могу?!

Сидит жена на коленях, плевать я хотел на чужое счастье, когда своего не занимать, но ведь чем упрекнула? Раз на руки взял и уронил...

Грешен, уронил. Уронил в молочно-теплую воду июньской ночи, да уж прости, так получилось.

Вроде давно, а вроде вчера. Сидели мы с сержантом в караульном помещении и играли в шахматы. Игра шла вяло, лишь бы время скоротить. Тут затрещал телефон, и голос командира роты приказал немедленно прибыть к штабу полка.

Иду по тропинке и недоумеваю: из-за чего сняли с наряда? Вроде и не провинился, на учениях стрелял на отлично. Может, из-за той простыни, что изорвали в мое дневальство ребята на подворотнички?.. У штаба встречаю командира роты капитана Макеева, сидит на ступеньке и курит. Доложил ему, как положено, а капитан приказывает найти старшину роты и взять уволь-

нительную до двадцати трех ноль-ноль. "Зачем увольнительная?" - спрашиваю капитана. - Я в наряде". "К вам сестра приехала, - отвечает он. - Все ноги оббила, дошла до командира полка. Немедленно выполняйте". "У меня нет сестры, товарищ капитан", - наивно говорю ему. "У всех есть сестры. Кругом!" - А сам смеется.

Нет, не сожалел я, сидя на голых нарах гарнизонной гауптвахты, что моя увольнительная продлилась до шести утра. Сердцем я все еще был на берегу тихой речки, в цвету сирени и пении птах в вековом сосновом бору. Аннушка примчалась ко мне за тысячи верст через полтора года после той свистящей осенней ночи. Из-за меня бросила учебу в педучилище и перешла в сельхозтехникум, из-за меня шла на прием к командиру полка... Какая была удивительная ночь! Верно, я тогда хотел перенести тебя по выступающим из воды камешкам на другую сторону реки и потерял равновесие. Боясь уронить драгоценную ношу на эти камни, сам упал в воду. Мы баражтались и смеялись до слез, а потом стыдливо отжимали одежду по разным сторонам разросшегося куста сирени...

- А ведь Тамарка его не любит, - огорченно сказала жена, вдруг утратив всякий интерес к парочке за окном. - Так, время коротает... - и, помолчав, тихо попросила. - Унеси, Ванечка, меня в избу. Смотри, не урони...

И в самом деле, пусть они милуются на наших чурках, - до того счастья, которое я несу на руках, им еще жить да жить...

БЕСПОКОЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Голова у Кольки Баженова с виду хоть и махонькая, а полна всяких идей и соображений. Посмотреть на него со стороны — плацаненок, да и только, а если еще наденет свою любимую махнатую шапку, один носик востренький и видно, да усики соломенного цвета мышиными хвостиками торчат.

Работает Колька бригадиром, а быть бригадиром не всякий может, это вам не лясы точить в сельмаге с продавщицей. На такой должности не всяк справится, до того она приедливая.

До Кольки бригадирили в очередь, кто сколько может вынести. Бывало, и на второй заход заворачивали, а на нем затормозили. Уж если фигурой Колька не вышел, то характером Бог не обнес — со всеми в ладу. На что уж скверная бабка Мучниковна, и та проклятия шепчет себе под нос, а не кричит, как прежде, на всю ивановскую.

До чего, бывает, доразмышляет Колька, что спросонок выступает хлеще, чем на колхозном собрании. Так-то он смиреный, с тем же председателем говорит тихонько, вроде как виноват, что ценную мысль ему высказывает, а во сне от всего сердца наболевшее лупит. Жена, Нюшка, с перепугу среди глубокой ночи как услышит крепенький говорок хозяина, так ее икота одолевать начинает. Смешного тут ничего нет, она женщина солидная, комплекция до центнера весом, спит, раскидавшись на подушках, поете, а гаркни-ка над ухом: «Люди гибнут за металл!». Икота — милостиво, как бы хуже чего не случилось. Нюшка для порядка сама ругается, что связал ее окаянный с непутевым лунатиком. Стучая пятками, сходит в кухню, выпьет кружку холодянки и снова с посвистом заводит «соловьиную». А спящий Колька отговорился на собрании и теперь порядок на скотном дворе наводит. Где-где, а тут работы край непочатый. Коровки тощенькие стоят, словно кадцы с обручами, соломы нет, а какая есть — пластины мерзлые; сторож пьяный вдрызг в проходе спит, отопление не работает — батареи от мороза разворотило...

— Проклятые! Дьяволы! Пропойцы окаянные!.. — на всю избу орет Колька во сне.

— Господи, да уймись ты... Не воюй со всем-то миром, — чуть не рыдая, взмолится в испуге проснувшаяся жена, — спи ты, горе мое горькое.

Уговаривала отстать от бригадирства вконец замордованного мужика, советовала подобрать работу поспокойнее, ведь он мастер неплохой по печному делу, хоть токарем в ремонтную мас-

терскую, хоть механиком на двор, но Николай смущенно отговаривался:

- Да как отстанешь-то? Ведь люди выбирали, доверие оказывали...

- Ты партийный? Договор ты ключил? - взовьется Нюшка. - Нет, ты скажи, какая нужда всех уговаривать? Тебе агроном или секретарь наш разлюбезной помог в чем? Не они ли за косяком стоят да суды-пересуды, когда ты по деревне в мыле бегаешь...

И права жена, что без конца наседала, как Мамай, и неправа. Не права потому, что брось он бригадирство, и тогда снова не бывать порядку, всякий ведет себя, как ему заблагорассудится, а другие и рады будут: требовать станут больше да кричать громче, и копейка, не плечом ломленная, им в кошель пойдет. Нет, такого Николай допустить не мог, хоть и был он беспартийный, насмотрелся, какой кавардак до него в последний год был. Тогда и лето вроде не дождливое было, а кормов для общественного стада заготовили мало, зато для себя каждое хозяйство на две коровы выставило. И никакие уговоры не действовали, никакая прибавка к зарплате, тащили днем и ночью.

Но и права жена: кто хоть раз бывал утром с нарядом к трактористу Анисимову, тот едва ли спокойно день прожил.

Анисимов работает на гусеничнике около скотного двора и поэтому дела фермы, особенно зимой, в первую очередь зависят от него, а точнее, от его настроения. Потому утренний обход с нарядами начинается с дома Анисимовых.

Стучится бригадир к трактористу, а в доме тишина кладбищенская. Потом Палагея выйдет и спросит из сеней, будто скхвохтает:

- Хто, хрещеной?

Получив ответ, возвращается в комнату. Минут через пять дверь открывается. В избе жара, духотища. Анисимов сидит на диване в одних трусах и скребет ногтем большого пальца левой ноги правую голень.

- Так как, Павлович, сегодня сробым? - говорит бригадир.

Молчание. Сидит Павлович, большеголовый, плотный увалень, хрюкнет раз другой в нос-луковицу, и только хруст стоит, как он дерет шерсть ногтем на ноге.

- Так как? - снова, будто нищий с протянутой рукой, спрашивает Колька.

Другие бригадиры, выдержав одну-две минуты, плевались и больше за порогом не бывали к Анисимову. Тот сидел дома целями неделями и жаловался в бухгалтерию, что оставлен без

работы и плати, кто виновен. Хотел Колька изменить полувечковую традицию ежедневного обхода по домам, но с избой-нарядной пока ничего не получалось. Да какой толк? Дожидайся, когда этот Анисимов съест добрую лохань супу, а потом бредет, тяжело дыша, до той избы... Да за это время, может быть, десять раз дождь пойдет со снегом и три раза метель разгуляется и уйметься.. Пять раз из конца в конец всю деревню обежать можно.

- Сробим, Павлович? - напоминает о себе многотерпеливый Колька.

- Ладно, - выдавливают Анисимов, будто в долг дает, имея щедрую душу.

Но зато, если Анисимов пообещал, он все сделает в лучшем виде, над ним надзирателем стоять не надо. А вот если Корякина без присмотра оставить, тот уж точно, два гвоздя забьет в доску, а третий пригнется как-нибудь и домой смотается...

Что ни человек, то и особый характер. Другого назови "Иван Гавrilovich", так он подумает, что со зла его бригадир величает, а скажи "такая-сякая мать", - одарит улыбкой.

Колька сумел-таки подобрать ключик к каждому. В натужную сенокосную пору он не поленится к той же Мучниковне лишний раз сходить да попросить на работу выйти.

- Как коза-то, Николаевна, доит хорошо? Вчера мне сказали, забыл уж кто, что продавать хочешь? Я, правда, не поверил, думаю, быть того не может, хорошая ведь коза-то!. Да не тужи, коли Бог тужить не велит, прокормимся... Как думаешь, если вы с Марией да Настасьей на сенокос пойдете, так бабка Марковна пойдет?

- А вот уж не знаю, высоко себя носит Марковна-то. Ладно, мы-то век поробили, нам не привыкать, сходим, но пускай только Марковна не выйдет, так я ей, толстомясой, при всех скажу, как чужих мужиков принимать!

Тронутая заботой о ее козе и возмущенная тем, что соперница молодости по любовным делам не хочет помочь колхозу в такую пору, Мучниковна завтра же сагитирует на сенокос своих подружек-пенсионерок, и они еще молодых в работе за пояс заткнут...

...Всю ночь голодным волком выла под окнами метель, жалобилась на судьбу, а утром засвистела, заулююкала на все голоса стоголовым чудовищем, пытаясь просунуть свои колючие языки в каждую щель, в каждый паз, чтобы унести с собой тепло изб и скотных дворов.

Дом Баженовых тряслось, и он гудел, мучительно напрягаясь, а часам к шести утра крыша заскрипела, что телега немазанная

на ухабистой дороге.

- Ох ты, Господи! - испуганно шептала Нюшка, хватаясь за тоненькую, но в минуты опасности сильную мужнину руку. - Ой, что делается.. Уж не печную ли трубу?..

- Ага, как петушок клюнул, так и о Боге вспомнила? - засмеялся Колька, однако вскочил с кровати.

- Ой, трубу ломает! Бежи скорее!

Но не о трубе думал бригадир в эту минуту. Он здимо представил раздуваемое ветром, неприбранное сено у телятника, стало жалко труда и маленьких телят. Накинул на себя старенькую шубейку да шапку, вышел в сени, щелкнул выключателем. Так и есть - свету нет, видно, опять провода оборвало. В это время кто-то нетерпеливо забарабанил в дверь снаружи.

- Николай, Николай, да открой ты!..

Баженов узнал голос соседки, старой вдовы Поповой. Только открыл двери, так старушку и кинуло ветром через порог.

- Ой, Николай, у меня крышу плитой сняло!.. Просыпаюсь, а печь валится. Ой, моченьки нет, думала, умру со страху...

Ад кромешной... Всю-то крышу Уляшке в огородец кинуло...

- Надо же, - удивляется Николай. - Так, говоришь, всей плитой и кинуло?.. Это хорошо.

- Чем я тебе до-сади-ла-то?.. - шмыгая носом, запричитала соседка. - Чем досадила?!. Мой беде рад?

- Да не рад я, что ты, Львовна? Хорошо, говорю, что всей плитой сорвало, дров из тесу не нащепало, - поправился Колька. - Вот утихнет, так мигом обратно кинем

- Ой, спасибочко тебе, Николай, ой, спасибочко! Уж у тебя доброе слово завсегда есть для человека.

- Ты только к Вальке-агенту сбегай. Дом-то застрахован, так тебе страховку выплатят.

Попова, выбрав момент между порывами ветра, выскользнула за двери, а Николай остался в сенях раздумывать.

“Току нет, стало быть, всему каюк! - говорил он сам себе. - Куда лыжи навострить? А если доярки забунтуют, вручную дойти не захотят? Ведь та же Палага всяко повернуть может. Эх! Если долго не подключат, как с навозом расчертиться? На одном Анисимове не вытянешь, не расчистить дороги... Котлы на ферме с дров на солярку переведены, и без току их не раскочегаришь. Эх, маxу дали, на дровцах оно надежнее было, бросил чурку да сиди кури, а теперь как?..”

Обход бригады в это утро Колька начал со скотного двора. Пока добрался, весь вымок. Открыв двери коровника, крикнул в

темноту:

- Иринеич! Эй! Жив ли ты?
- Какого лешака там носит? - откуда-то из середины двора отозвался сторож.

Замычали, зашевелились, поднимаясь, коровы, забренчали привязные цепи.

- Иринеич! Это я, Колька. Выполнай сюда!
- Выполнешь тут! Ни беса не видать! А в проходе корова с теленком стоит, подденет рогом, вот и дожил до пенсии!

Баженов нашел фонарь, засветил. Прошли в комнату отдыха, уселись на стылый диван, повели разговор о свалившемся несчастье. Но тут в коровнике раздались раздраженные голоса - стали подходить доярки. Колька - теперь сидеть некогда! - пошел к ним, чтобы успокоить, уговорить, не дожидаясь электричества, вручную подоить коров.

В глубине коровника мерцал тусклый свет фонаря, направился туда, но в проходе наткнулся на зажигающую фонарь Палагею. Та от страха чуть не упала, а разобравшись, кто напугал ее, вдруг заозоровала и начала кричать: "Насилуют! Бабы, насилуют!.." Сама же придавила бригадира между мешков с комбикормами да давай щекотать. На крик сбежалась вся доярская братия. Оторвали Палагею от Кольки - и ну хохотать. А Колька не растерялся:

- Скажи спасибо, что врасплох напала, а то бы твоему мужику знаешь что осталось?.. То-то. Раз моя Нюшка в бане угорела, так я бросил ее на плечо и мигом в избу припер. Это ведь я с виду хлипок...

Посмеялись. Против ручной дойки никто не возражал - коровы-то не виноваты, что за окном свирепствовала метель. А бригадир послешил в кочегарку. Сидит кочегар Мишка Воронов, свернув толстенную цигарку махры, щурит глаза от едкого дыма, выпускает из рта замысловатые кольца, которые прямо-таки садятся на стекло семишиной лампы.

- Как думаешь, Мишаня, скоро ток дадут? - спрашивает Колька.

- Ковда дадут, товды и ладно, - равнодушно отвечает кочегар.
- Так, Мишаня, не годится. Ты мужик умный, а ерунду говоришь. Если бы эта печь стояла в твоей избе и в такую морозину не топилась, что бы ты стал делать?

Молчит кочегар, только глазами лупает.

- А вентилятор отодвинул бы в сторону, стенку из огнеупорного кирпича разобрал да и затопил бы дровишками. Верно?

- Верно. - Мишаня улыбается.

Минут через двадцать в чреве котла уже весело потрескивали промасленные доски какого-то ящика, а Мишаня, не жалея, рубил на дрова изгородь отъемочника.

Около десяти часов дня весь трудоспособный народ был уже на работе. Много километров измерил бригадир по сугробам да заметенной улице, пока отправил шоферов выкидывать навоз из скотного двора прямо через окна, пока подыскал колхозников разбирать остатки амбара и возить полусгнившие бревна к котельным, пока помогал Анисимову вытащить тракторные сани с бидонами молока на большую дорогу.

В час дня пробился в третью бригаду на гусеничнике председатель колхоза Михайлов и без промедления поспешил в избу Баженову.

- Ну, Николай, одна беда не ходит, - поздоровавшись, сказал он. - Пришла беда - отворяй ворота. Считай, всю линию электропередачи, все шесть километров от Осинового бороду вывалило. Вот положение, хуже некуда. Что делать будем, как народ мобилизуем, пока "Сельэлектро" латает линию?

- Мы тут, Геннадьевич, толковали с мужиками. Надо свою станцию пускать, - ответил Баженов.

- Да ты в уме? - отшатнулся председатель.

- Ну, раз не в уме, то чего у глупого спрашивать?

- Да нет... Не хотел я тебя обидеть, Николай Петрович! Сорвалось... Ну, извини, замордовался в корень. Шутка ли, станцию пустить. Обмозговать надо.

- У нас одних инженеров трое, чего еще мозговать? Помещение есть, динамо есть, дизельный двигатель поставить - и все дела.

- Так ведь фундамент надо делать. А мороз. Как цементом зальем?

- Тогда будем ждать, пока "Сельэлектро" линию починит. Думаешь, быстрее будет? А шею тебе в районе намылят... Это уж точно.

Знал Колька, чем напугать председателя.

- Это верно, Николай. Правильно. Будем пускать. С чего начнем?

- Три бочки из-под топлива под печки приспособим. И сначала натопим помещение. А потом... Цемент есть, долго ли фундамент залить?

- Молодец! - обрадовался председатель. - Я сейчас в мастерскую поеду, а ты тут начинай. Правильно, все правильно, не последний день живем, своя станция всегда сгодится.

Не простое это дело - в зимнюю непогоду выкопать под фундамент ямы, залить цементом, установить электромотор и двигатель, отцентровать и подсоединить к трубам охладительного резервуара... Двое суток не прекращалась работа.

И сделали, пустили станцию. В то же время привычная жизнь бригады не прерывалась ни на час. Анисимов до того доработал, распихивая заносы и прогребая дороги к стогам соломы, к си-лосной траншеи, что к концу вторых суток, тяжело выбравшись из кабины, попросил подбежавшего Баженова:

- Скажи моим, пускай хоть картошки вареной с солью принесут, а то не вынесу!..

Ожили электродвигатели, засветились вечером экраны телевизоров в домах колхозников.

На вечернюю дойку бригадир привернулся в тот момент, когда доярки, готовясь к завтрашнему дню, запаривали корма в бочках. Завидев Баженова, Палагея замахала руками:

- Николай, сил нет, может, принесешь мешков пять комбикормов? Они по семьдесят кило. Что тебе стоит? А у меня пуп трещит!

- А кто тебе велит всем мешком? Носи ведрами, - нашелся бригадир.

- Да уж принеси, уважь. Куда тебе силу-то девать? - Палагея шагнула к Баженову.

- Чертовка! - Колька отскочил. - Ты до того меня доломаешь, что, видит Бог, переведу из старших в рядовые!..

И опять дружный хохот.

Доярки еще перебрасывались шуточками, а бригадир уже спешил в деревню Горку к старому Ивану Куприяновичу. Хотелось выведать, как тот двадцать лет назад, будучи бригадиром, сумел у Гладкого лога собрать чуть не по двести пудов овса с гектара.

По небу ползли вечерние тучи, серая мгла висела над деревнями. То в одном, то в другом месте вспыхивали огни, высвечивая в темноте крестовины рам. Утихла метель, снова продолжалась жизнь, и в этой жизни шагал бригадир Колька Баженов, беспокойный человек.

БРИГАДИР

1

Когда приходит в деревню летнее утро?.. Даже невозможно в нескольких словах сказать о нарождении нового дня. Тут и пчелы зашевелились на прилетной доске, и женщины загремели подойниками, лаская своих кормилиц, и мухи поднялись с ночлега из крапивы, а петухи уже отгорланили все припевки и норовят подруг в картошку завести; если судить по солнышку, то оно, вроде, и поднялось из-за Лысого угора и, вроде, спать продолжает, приоткрыв один глаз-луч, зевает - лень пробуждаться; если по бригадиру Иринею Ивановичу, так он уже давно сидит в кресле дедовой работы на крыльце, на небо поглядывает и думает, как день прожить и какой на завтра зачаток сделать.

Хоть на небе и ничего не написано, но бригадир-то знает, что настрой у сельского жителя и зимой и летом - по погоде. Утро хорошее, значит, и настроение у людей бодрое, во всем теле легота, все люди родные, тогда и работа в бригаде сладится, а коль утро кислое, то и настроение у всех скверное, каждому лезут в голову разные неприятности да заботы, вдобавок, у кого спину ломает, у кого шею на бок воротит, работа на ум не идет. При холерной погоде долго ли добрым соседям из-за тех же кур / чтоб их ястреб унес/ с утра перекинуться непечатным словцом? Да проще пареной репы. А настроение на весь день испорчено, дело из рук валится... В иное беспросветное утро сельский житель только по радио и ориентируется. Заговорит, можно и печь затоплять. А пока дым из труб не пошел, с нарядом идти бесполезно.

Про бригадирскую должность Ириней говорит без особой лирики, по-житейски: собачья работенка.

Кто не бригадир, тот не знает, как с сумой под окнами стоять. А кто знает, тот отводок широко не отворит, обсосет слово-то, прежде чем скажет.

Солон хлеб бригадирский, а иной сгупа норовит еще и ставкой попрекнуть: не тяжело и срубил - наряды дал - и гуляй себе, только вечером не забудь в поминальник работу записать. Эх, люди! Это с виду бригадиру делать нечего, а на деле...

Голова Иринея втужу забита всякими планами, мероприятиями и заботами, но куда ни кинь - везде клин, куда ни брось - везде кость. Если бы все, о чем он думает, да реальным когда-то стало...

Скрипнула тоненько дверь на петлях - отметил бригадир, что

Анна пошла доить корову. Частая дробь пускового двигателя вспорола рассвет. "Во, Никола заводится, - вставая, подумал Ириней. - Только много не напашет с похмелья... Работничек..."

Вчера этот Никола-забулдыга при всем народе как только не оскорбляя его, бригадирским рублем попрекал. Но сдержался Ириней, хотя и заподергивалась бровь и зачесались кулаки.

Бригадир вышел на улицу, закрыл за собой отводок и стал поджидать шофера Якова. Тот всегда по утрам первым ходит за водой к колонке.

Разные люди живут в деревне Горка, ой, разные. Но с какой стороны не зайди, с какого боку ни погляди, если характер в матку, то рыло в батьку. Дед корни заложил нынешнему внуку в характеру, а отец те или иные наклонности в одном укрепил, в другом отринул. Вон, к примеру, два брата Поповых. Это как две разные одежины из одинаковой материи одним мастером шитые. Старший брат малограмотный, рослый, спокойно-покладистый мужик с большими руками и безотказной спиной, на которую можно вальнуть столько, что худенькой лошаденке не под силу, да еще и вознице сесть, коль в ногах ленца. И повезет, закусит губу, но потянет. Младший ту же маткину титьку сосал, да, видно, морщился при этом: ершистый, худой, всем недовольный, но десятилетку окончил без троек. На младшем далеко не уедешь, чуть потяжелее - затрубит, доплату запросит, спецодежду, а то и путевку в Пятигорск. У старшего детей четверо, у младшего - две замухрышки с косичками испуганные тянутся. К старшему любой заходи в любое время суток, у младшего такой кобелина на проволоке у крыльца бесится, что подумаешь, идти ли ночью просить свозить в больницу старую бабку...

Или сосед Попова младшего, Женяка Ведров. Живот - во! Дырочек на ремне не хватает. Этот никому веком не нагрубит и наработает с гулькин нос, но своего не упустит, хоть камни с неба валитесь. А до чего находчив на слово, любой лектор позавидует. Что ни слово, то и крючок. Другой мимо пройдет, внимания не обратит, а Ведров мигом историю сочинит, только сиди да уши развесивай.

Но эти - свои мужики, сущая родня, с ними вместе выросли. вместе отмолодцевали, общий язык найти всегда можно. А вот приезжие, на тех зло берет. Взять того же Николу. Все ему н-так, все не эдак. Начальство - гады, земля - камень, народ - сълочкой.

В родном колхозе, наверно, локтем перекрестились, что избавились от такого работничка, сумевшего за пять лет угробить три

трактора, а наши обрадовались: лишние руки гожи. Гожи, да только осадок после таких разговоров не скоро рассосется.

Подошел Яков, румяноскучий, широкоплечий, с глазами-буравчиками, поздоровался.

- Опять за шефами сгонять надо, - сказал Ириней. - Потом остревой наруби и развези по наволоку.

- Ладно, - согласился Яков, зевая.

- Из шефов обязательно Петровича прихвати, хоть около зародов поподчесывает.

- Прихвачу, - обещает Яков и идет к колонке, гремя ведрами. А Ириней, прикидывая, кого бы выкроить на стога, коль сенное звено председатель обещает, споро шагает по единственной деревенской улице. Рабочий день начался.

Щекочут ноздри медовые запахи остывших за ночь трав. Травы стоят на нескошенном Елизаветином участке стеной литой. Золотится лютик, ему неведомо, что уже выкатился из-за Лысого угора его благодетель и мучитель. Пахнет лебедой, этой спутницей заброшенного огорода, тянет еще какими-то едва уловимыми запахами от осанистого, давно опустевшего серого пятистенка, обреченный вид которого всегда наводит на бригадира тихую грусть.

Немалая за плечами жизнь, которая шила и ткала сегодняшнего Иринея. Без отца остался четырех лет от роду. Хорошо он помнит тот день, когда проехал на батьковой шее через всю деревню. Кругом шли, голосили женщины, мать висела на отцовских руках, а он веселился, колотил батьку ножонками, дергал за уши. Детское сердчишко не чуяло никакой беды, свалившейся на страну, не ведало, что день тот был прощальный - с войны отец не вернулся. Той зимой, что погиб отец, Ириней едва не замерз. Пришел из школы / в первый класс бегал /, а дома и жилым не пахнет, все обыскал, корки хлеба не нашел, живот урчит, есть просит. Пошел мать искать, она дрова на лошади к ферме возила. Добрел до самого леса, стоит, мать кличет. Покличет, покличет, и в шубейку закутается, тепло не выпускает. И уснул. Проснулся на печке у тетки Елизаветы - земля ей пухом! - успела, не дала смерти вцепиться в худенькую шейку парнишки. Давно было, а как вспомнит, так будто все кости разом замозжат. В десять лет он боронил на паре лошадей, косил со взрослыми, рубил дрова. В двенадцать первый раз на правах единственного в доме мужика резал овцу. Прошел и лесозаготовки, и сплав, и курсы трактористов...

Не дурак был первый председатель укрупненного колхоза

Михаил Яковлевич, не часто таких в наши дни встретишь. Вот уж кто истинно знал, из кого печник выйдет, из кого министр. Михаил Яковлевич выхватил совсем еще молоденького Иринея из простых трактористов и назначил бригадиром тракторной бригады, дал, так сказать, путевку в жизнь. С тех пор и бригадир Ириней, пережил девять председателей и сам, конечно, поизносился, но, как носок добротно закаленного лемеха, пласт режет по-прежнему чисто.

2

Деревенские говорят, что Иринею на роду написано быть бригадиром, мол, и лицо у него бригадирское. А что лицо? Обыкновенное, какое в наследство от батька досталось - продолговатое, угреватое, с бугристыми бровями, с носом-чайником. А вот глаза... В них и вправду есть что-то особенное: добрые они, мягкие, в них постоянно таится теплота и сочувствие к человеку.

Над наволоком застыл раскаленный воздух. Солнце как поднялось в зенит, так и зависло - ни туда, ни сюда, палит и палит.

Что за причуды с этой погодой пошли, даже старики понять не могут. То было, хоть в фуфайках коси, то дыхнуть нечем.

Через наволок спешит, высоко закидывая жердистые ноги, бригадир. В одной руке пиджак свернутый, в другой грабли.

- Ты разберись-ка, Ириней, - напутствует жена, мимо которой он идет, - опять там наш ухарез девок на яму бросает. Позавчера на Ленке все платье упистрил, не больно хорошо.

- Не наговаривай зря-то, - вступается за парня работающая Галина Попова. -Это Олексана хмырь калабродит. Ваш-то Володька работник...

Женщины, опираясь на гребли, смотрят в ту сторону, где работают подростки и куда идет бригадир.

- Разберусь, разберусь, - отвечает Ириней, потом на ходу поднимает горсть сена, нюхает его и громко, чтобы все слышали, говорит: - Эх, хорошо сенцо! А ведь все на проценты пойдет, на выдачу. До большого омута бы зачалить, вот добро бы было.. Эх, сенцо..

Расчет бригадира верный: каждый из работающих вправе предполагать, что именно этого сенца присчитается ему на проценты, и теперь люди будут стараться еще больше.

Ириной спешил к ребятам: чуть не догляди, и за баловством они о работе забудут. А без них - труба дело, не те времена, когда от женских сарафанов пестрели луга, теперь народу в обрез, не расшикуешься. Весь сенокос держится на подростках, шефах да

пожилых колхозниках В самый разгар работы выскочил из-за межи тихонько тарахтящий легковичок, подкатил к крайнему стогу и, будто испугавшись, замер. Из машины выплыла молодая женщина с фотоаппаратом через плечо и с блокнотом в руке, поздоровалась с близкими колхозниками, пощурилась, отыскивая глазами бригадира. Отыскала, виновато улыбнулась, мол, не-когда, дел много, и пошла к Иринею, накладывающему сено на конные сани. Поздоровалась, протянув лодочкой ладошку. Ириней сразу признал в миловидной женщине корреспондентку районной газеты, воткнул вилы в землю, аккуратно пожал руку.

- Пресса пожаловала, это хоропее дело, - сказал он удовлетворенно.

- Собственно, вот я зачем, Ириней Иванович... - корреспондентка, листая свой исписанный крупным почерком блокнот, говорила о делах в бригаде, о приближающемся севе озимых, о сенном звене... Она пыталась придать лицу строгое, деловое выражение, но ей это не удавалось. С лица не сходила томная полу-улыбка, заставляющая сердце Иринея беспокоиться о чем-то таком, чего, казалось, он ждал всю жизнь и наконец увидел. "Вот чего моей Анне не хватает", - наконец разрешился Ириней мучившей его мыслью. Разрешился и тут же сконфузился, будто обидел женщину взглядом, подсмотрел ненароком, как тонут в ямочках щек смешишки.

- Так про кого же, Ириней Иванович, будем писать?

- Про ребят, - не задумываясь, ответил бригадир.

- А может, кто заслуженнее есть?

- Наши заслуженные никуда не убегут, сегодня пришли и завтра придут, вы лучше про наших ребят...

- Это получается, как в сказке. Богатый брат зовет гостей, а младшего-бедняка все норовит ближе к дверям посадить, мол, свой, не обидится... - корреспондентка смеется, обнажая белые сахарные зубы.

- Правильно, - кивает Ириней.

- Тогда начну с ребят. Секретарь говорил, что сын ваш хорошо работает. Может, с него отдельную фотографию сделать? Он в колхозе останется после школы?

Втайне Ириней рад за Володьку и увидеть фотографию сына в газете не против, но сдержанно протестует:

- Ни к чему обосбоять, все ребята у нас, куда с добром. А из шефов отметьте Наташу из библиотеки, двенадцатый день на греби, а как робит!.. Вон она, в пестром купальнике.

Корреспондентка идет к библиотекарше Наташе, и Ириней

проводит ее долгим задумчивым взглядом.

Наконец-то солнце наткнулось на островерхий ельник за Ромашевским полем. Спала жара, по степи заходил ветерок, шевеля незагребенные сенники, еще сильней запахло медовым настоем засыхающих трав.

Вымотался сегодня народ, одной воды на пот перепустил пол реки. У Ведрова живот разнесло, что бочку из-под пива, ткни пальцем - потоком хлынет. Стали собираться домой. Ребята распрыгли лошадей, затолкали под дровни упряжь, заложили ее сеном - неровен час, дождь пойдет, подхомутник намокнет, того и гляди, потом холку лошади набьет, - и, гикнув, унеслись наперегонки.

Женщины, довольные, переглядываются молча, хорошо поработали, много сена выставили, а что до боли в пояснице, то не беда, пройдет. Положив грабли на плечо, они неспеша отправляются к дому. Нервничают шефы, скрещивая на бригадире беспокойные взгляды: кто, как не он, виноват в задержке машины?

- Девочка у меня в садике, - говорит высокая худощавая блондинка, нервно поглядывая на часы.

- А у меня - двое, - вторит ей библиотекарша Наташа.

- Ничего, бабоньки, ничего, успеем, - успокаивает Ириней. - Минута-другая, и Яков приедет. Он аккуратный.

- Их-то и пораньше мог отпустить, - с укоризной кидает Галина Попова. - Ведь ребятишки...

- Ладно, Галинка, хоть ты-то душу не трави, - огрызается бригадир.

- Отпустит, жди... Рад заездить на работе, - это уже долбит жена.

- Да вы что, все на одного?! - Ириней переводит разговор на шутку. - Эй, Женя, иди сюда, разберемся со слабой половиной, дак вместе и домой пойдем!

Но Ведров лишь устало машет рукой и тихонько переставляет по наволоку ноги.

Скоро прикатил грузовик.

- Во, я же говорил, что наш Яков порядок знает, в армии генерала возил! - обрадованно кричит Ириней.

Не успел бригадир дойти до родного крыльца, как опять прихватил его этот прилипало Никола.

- Все! Поищи себе дурака посговорчивее! - закричал он, взвизгивая. - Поди-ко, день-то отлежался в кустах, а я жри землю?!

- Седни-то чего стряслось? - спокойно спросил Ириней, наваливаясь грудью на изгородь.

Рубаха на Николе в мазутных пятнах, пыль толстым слоем осела на небритых щеках, глаза краснущие.

- За несчастный трепник не буду здоровье гробить!

- Ладно, - говорит бригадир, - ты седни вроде не пьяный, так катись-ко домой, обиходься, отдохни, а завтра с утра потолкуем.

- Всех вас батогом, жердиной метелить надо! Исклестать сучью свадьбу!

- Ну, тогда поори тут, потренируй голос, - у Иринея начинает подергиваться бровь, - а я чайку схожу попью.

- Найдем на вас управу! - гремит Никола. С растрескавшихся губ срывается слюна, зубы скрипят.

Ириней идет в избу, так и не поняв, из-за чего налетел Никола. А сумасбродный тракторист уже бежит к своему дому, сыпля матюги направо и налево.

Прошло часа два. За это время Ириней напился чаю, записал в "поминальнико" работы и рабочих, сходил к механизаторам сенного звена. Замечательный день! Сорок тон первосортного сена в стога сметали. Побольше бы таких деньков...

Удовлетворенный, Ириней решил еще подправить ножи для косилки, но наждачный круг не работал. Пощелкал выключателем - нет току.

"Видно, электрики на линии работают", - подумал Ириней и сел на мятый подорожник передохнуть, раз уж выдалась свободная минута.

Прибежал Володька. Он гонял с ребятами мяч на стадионе.

- Папка, этот Никола-чумиза столб завалил! - выпалил, отдуваясь.

- Как это завалил? - удивился отец, поднимаясь.

- Так. Радиатором как саданул - подставка вдребезги! Провода оборвало, а из трактора пар валит!

- Дьявол! - выругался Ириней. - Леший принес его на мою плешы.. Дойте теперь, бабы, руками...

Зло сплюнул, посмотрел на переминающегося с ноги на ногу сына и пошел вдоль деревни.

Яков лежал под машиной, регулировал сцепление. Не вылезая, догадался по ботинкам, кто подошел к нему, и спросил:

- Чего хорошего скажешь, Ириней?

- Жди хорошего... Этот гад, Никола, столб трактором спихнул, вместе с подставкой, опять току нет. Вот сука-то! И двигатель, видно, нарушил.

- Не печалься, что Бог ни даст, все к лучшему, - сказал Яков. - Сломит он голову, долго-коротко, к тому идет... А вот моя Настю-

ха опять удергается без электричества. Надо мать послать помочь доить.

Ириней присел на kortочки, заглянул под машину.

- Вылезай, Яша, потолкуем о делах насущных...

- А чего толковать-то? Ты ведь опять, как в прошлый год, на меня попрешь.

- Верно, просить тебя пришел. Земля-то под озимые не пашется. Трактор, я толковал с начальством, дают с капиталки. Может, на двоих катнем сотенку гектаров, а? А там и другие мужики подсобят. Смотришь, вылезем из прорыва.

- Ох, Ириней! Прав этот фанфурик, давно надо тебя в шею, тогда другим легче жить будет.

- Экой уж выродился...Дак попашем?

- Это как так попашем?! - Яков вылез из-под машины. - Да ты знаешь, что меня баба съела через это сено? Тот косит, другой косит, а ее завидки берут. Во, перепилила шею без солидолу. Кабы не эта корова...

- Вот и ладно. Завтра ты за шефами скатаешь и за меня останешься. А я в мастерскую пойду за трактором.

- Ишь ты какой! Думаешь, уже и сосватал?! А сено? Чем скотину кормить прикажешь? Пойми, Ириней, у меня семейка немалая...

- Перестань, Яша, без сена не останешься, а время пахоты уходит. С Настюхой твоей я переговорю. Все уладится.

- Эх, Ириней, Ириней!.. – вздохнул Яков. - Трактор-то хорошенько погляди. Хоть и с капиталки, а всяко делают. Все подтянуты, смазать надо...

Конечно, вспахалась бы земля и без них, без Иринея с Яковом, да не привыкли здешние мужики на чьем-то хребте ехать, в хвосте плестись - раз надо, значит, надо.

На Горку медленно опускается благоговейная тишина короткой июльской ночи. Из бездонного синеватого неба, подрезанного на западе оранжево-багряной каймой заката, глядит на землю луна. Упененную тишину боится потревожить даже ветерок, притаившийся в вершинах берез, глухнут звуки, рожденные белым днем, тихая нерастряченная грусть бередит сердце болью за прожитое. Перестали хлопать калитки на улицах, стихли шаги и голоса. В открытых настежь хлевах тяжело вздыхают коровы, овцы беспокойно топчут копытцами, лежат собаки в траве, вывалив языки. Матери разогнали последних гуляк по домам, ополоснули их чумазые рожицы, приказали спать. Улеглись и сами, разметав загорелые руки. А Володьку не берёт усталость, ему что

день, что ночь, все едино - уселся с Ленкой на мотоцикл, только мать их и видела. Собирается спать и Ириней Иванович. Стоит у своего отводка, смолит последнюю на сегодня папироску, слушает, как кричит в густой, заросшей ивняком речной пойме коростель и смотрит на пятистенок покойницы Елизаветы. Ниспадают от полуобвалившихся карнизов, желобов, сгнивающего коня-охлупня сумеречные тени; оседающий, врастаящий в землю дом с черными провалами слепых оконных глазниц, забитых кое-где досками, всем своим видом внушает простую и мудрую мысль: жить надо красиво, робить хлестко, а умирать - молча.

НИЮРА-ГОЛУБА

(из прошлого)

1

У нищего не жмут яловые сапоги, если они на ногах сроду не бывали. А тут? Сколько пота пролил Афанасий Сажин, пока не зажили подходящие, не хуже людей, сколько ночей не доспали, надрываясь на раскорчевке пашни. И отдать - берите, мне не надо?..

Мужики осторожничали, переглядывались, каждый прикидывал: чей дом в первую голову пойдет под раскулачивание? Предполагали: скорее всего начнут с Сажиных, - расстроились, дом опушили, шкапы разные под стеклом назаводили, четвертую корову купить хотят. Конечно, все это своим горбом нажито, но живут-то всех богаче.

В кругу мужиков зубоскалит Гошка-Сусло, ходит петухом в драной рубахе, важничает:

- Уважаю эту власть, обо мне вспомнила. Распотрошат кое-кого, а мне дадут.

Не показывая вида, плюются мужики: кому-то охота с последним забулдыгой делиться, да что поделаешь, нынче верх таких гошек. Раз везде кулаки, то и у нас они есть.

Афанасий лежит в шубе на кровати. Жена, видя, что муж не в себе, управляет по хозяйству и не спрашивает ничего. И так редко говорит Афанасий, а тут вообще воды в рот набрал, щемит сердце, болью отзыается на тревожные мысли о хозяйстве. Столько труда - и все напрасно? Где же справедливость?

- Матка, - неожиданно позвал Афанасий, - бежи быстрее за Ванькой, худо мне...

Жена охнула, бросила недомытый подойник.

- Стой! - в самых дверях остановил ее Афанасий. - В последний раз спрашиваю: видела, куда я деньги спрятал?

- Окстись, Офанасий, вот те крест - не видела!..

- Бежи ходче...

Мать знала, где в это время находится сын. Проворно пробежала почти всю деревню, брякнула пальцами в стекло рамы, торопливо замахала рукой, когда они прибежали домой, отец уже отошел. Так и не успел он оставить ни жене, ни сыну никакого наказа.

2

Надсадный кашель лежащего рядом парня прервал тревож-

ное забытье Ивана.

“Сдохнем тут, заживо сгнием, - тоскливо и безвыходно подумал он, поворачиваясь. А сосед все кашлял, не переставая. - И за что я должен так страдать? Исправляться.. День за днем таскать и таскать эти бревна, стоя по пояс в воде. А какие рожи кругом звериные, слова молвить не с кем. Классовый элемент... Это я классовый элемент? Чужой, значит. Кому чужой? Может, председателю комиссии по раскулачиванию Оглоблину? Или Петьке, хромоножке проклятому? У, падла, а еще брат двоюродный. В комиссии к Оглоблину приткнулся, вражий ублюдок. Не знает, куда ель комлем в лесу растет, а нате вам - правительство... Эх, батько, ошибся ты в жизни. Ловил бы блок в тулупе, как брат твой, Софрон, глядишь, тоже в начальники вылез бы. А то сам загнулся от работы, меня за ломовую лошадь держал, матку под выселение подвел. Что толку-то? А дожил бы - голоса лишили и тоже сослали вместе с маткой. Во стыдобра-то! Такого-то мужика, кто эту самую власть на ногиставил, кто по твердому обложению первым хлеб сдавал, кого доили, как корову... Софрон-то оказался умнее тебя, за работой не гонялся, в бане, считай, прожил. А, может, он теперь в нашем доме гоголем ходит?..”

- Перестань-ко кашлять-то!.. - Иван ткнул соседа кулаком в бок. - Слышишь?

Но сосед спал мертвецким сном и кашлял во сне.

“Тоже, поди, вроде меня, изломан и дуриком сюда попал, - вздохнул Иван. - ...А ведь все могло быть по-другому. Сейчас бы я в армии служил, уже седьмой месяц, да вышла другая армия... Сколько ей писем послал, Нюре-голубе моей. Получила ли? Никто не скажет. И ответов нету... Ладно. Лешке-земляку записку сумел переслать, а то бы и не знали, что матка выслана и дом родной опустел, Почему же об тебе-то, голуба моя, ни словечка в той записке не было?.. Как ты там? Жива ли матушка твоя? А весна в этом году ранняя, сенокос, пожалуй, до петрова дня начнут. Сколько баб на наволоках будет в нарядных сарафанах!.. И ты... Приласкать бы, прильнуть бы к волосам твоим, как тогда... Волосы медом пахли, а голос... Эх, голос!.. А помнишь: идем мы с тобой по разнотравью. Утро скоро. От реки холодком тянет. У меня через плечо Тимохина гармонь, на тебе тот платок, что я из Тотьмы привез. Цветы... Да, цветы в руках, букетик такой, из синюшек... Сколько бы всего сказать надо, а я молчу. И ты молчишь. Солнце встает из-за казенного леса, тебе домой пора, не дай Бог, кто увидит. Но я не отпускаю...”

- Что, опять Нюрку ловишь? - раздается вдруг голос второго

соседа по нарам, Лешки-земляка.

- Заткнись! Убью, падла! - вскипает Иван и стремительно садится на нарах. Ярость сдавила грудь. Еще миг и, кажется, бросится он на верного своего дружка, вцепится зубами в его горло.

- Че-го т-ты, Ввв... - лязгая зубами, пытается понять Лешка и тоже садится.

Заворочались другие мужики.

- Эй! Что там случилось?

- Ничего! - крикнул Ванька. - Пропади всё пропадом!

- Хватит лаять! Спать! -ластным окриком гасит вспышку старшой артели.

3

Перед самым призывом в армию вызвали Ваньку Сажина и Лешку Лесукова в сельсовет и вручили повестки: ехать в обязательном порядке в город Архангельск, место работы - лесозавод номер два.

Отец уже был похоронен, легче прощаться. Поехали. Прибыли на место, огляделись, кругом такие же высланные, но разговоры велись осторожные. Не все оказались от сохи оторванными, были и сущие пауки. Один в порыве откровенности хвастанул, что имел три мельницы и еще лошадей на извозе держал.

- Ничего, в верхах разберутся, - успокаивал Иван рассудительный Лешка, - поймут, что никакие мы не элементы. Лес руяят - щепки летят, вот и нас загребли, ничего, все уладится.

Вскоре на номерном заводе еще один земляк объявился. Всю родню его на Печору выслали, а его почему-то в Архангельск.

- Начали в уезде, - рассказывал он, - свозить частные риги в одно место, а дома высланных ломают - что на дрова идет, что на конюшни, вся власть у тех, кто христовым именем кормился, голь перекатная от радости пляшет. У нас уж так заведено: сначала портки скидаем да валим, потом оглядываемся, не видит ли кто... Может, и возвращают нас, только не скоро. Ведь слышали, что в стране деется. Не до нас... А еще говорят, что колхозы - не временное дело, тогда уж точно засидимся тут...

Спрашивал Ванька про родную деревню, да мотал головой земляк, ничего не ведая.

Беда роднит, а в чужих местах тем более крепко друг за дружку держаться надо. И хотя Лешка продолжал верить в справедливость, а Иван потерял всякую веру, парни жили дружно. И вдруг такая вспышка ярости.

Во время завтрака Иван лениво поковырял ложкой разварен-

ную картофелину и отодвинул чашку. Лешка насторожился.

“Ох, неспроста ночью завизжал Ванька, - подумал он с тревогой, - ой, неспростал..”

На работу, как обычно, шли рядом. Молчали. Догнал земляк, тот, третий, что прибыл позднее, и, прыгая перед парнями, начал с жаром уговаривать переходить к ним в артель, мол, десятник у них куплен и продан, свой в доску, значит, и прожить можно полегче. Вида, что парни молчат, обиженно хмыкнул и убежал.

- Ты уж прости меня, Леха, что ночью я так... Не сдержался, - виновато сказал Иван.

- Чего там!.. Бывает... - отозвался друг.

Лешка ждал продолжения разговора, но Иван молчал.

Включили лебедки, размотали тросы, и пошла работа. Иван стоял возле самой сплотки. Он сноровисто перехватывал по средине подгоняемые баграми бревна и тянул их к направляющим потокам. Работал молча с непривычной сосредоточенностью и упорством.

Во время перекура Лешка не выдержал, отозвал друга в сторону и осторожно спросил:

- Вань, что-то неладно с тобой. Может, обиделся на что? Скажи.

- Друг ты мой... Изнылось все вот тут, понимаешь? Горю весь, домой охота. Домой! Не знаю, на какой сук садиться, бежать или с собой что сделать, - Иван схватил Лешку за плечи и, глядя ему прямо в глаза, с жаром зашептал: - Пойдем! Вместе пойдем! Сенокос скоро, хватит на эти бревна смотреть! А там пахать под озимые...

- Опомнись! Где твои озимые?

- Хоть у черта. Мне пахать охота, понимаешь?! Я же загину без земли.

- Погоди, Вань, ну куда ты? Матка сослана, дома, поди, уж нет. А кто тебе землю даст? Что пахать-то будешь? Вот разберутся и тогда...

- Пока разберутся, на гроб крышку надвинут и вперед ногами попрут. Бежим!

- Не дело говоришь. Бумаг нет, еды нет, на погибель, что ли?

- Э-э, дважды лету из бывать. Да неужели в лесу не прокормиться? Пошли. Кому на роду написано сгореть, тот не утонет.

- Пошли, да только в другую сторону. Вон Пронька сюда катит... Ладно, вечером потолкуем.

После ужина дружки уселись на чурбаки около кочегарки.

- Скажи, твой дедко пешком хаживал в Киев? - дымя цыгарой

кой, спросил Иван.

- Хаживал, да не в такое время. Нынче так окрестят, что забудешь, откуда ноги выросли. Вон земляк говорил...

- Да черт с ним, с тем земляком! Не больно я ему верю. Бежим! На дороге станут - сомнем! Пойми - мочи нет.

- Кабы вниз по воде, а то вверх... Рекой не выгrestи. А заловят - чище Соловков пропишут. Потерпи, все направится.

- Бог терпел, ему спешить некуда было, а мне не терпится хоть бы одним глазом на Нюрку взглянуть, и все бы на место встало.

- Потерпи, насмотришься. Да мало ли девок хороших, что она - свет в окнах?

- Не береди, не надо. Девок много, а она - одна. Скажи прямо: пойдешь или нет?

- Нет. И тебе не советую. Пустое затеял...

- Ну, как хошь. Вольному - воля, спасенному - рай. Утром скажешь, что за водкой ушел. Снимай левый сапог, махнем, мой воду пропускает... А зря ты... Прокормимся, к лету дома будем.

- Ладно, видно, не отговорить тебя. Если доберешься, к сестре моей наведайся, с отцом и матерью ее не выслали, так, может, дома... И вот что еще: неминучая пристигнет - сдайся добровольно, меньшее дадут.

- Прощай, друг. Не поминай лихом.

4

...Полтора месяца длилось путешествие Ивана. Держался ближе к большой воде, шел по проложенным зверем тропам, перелезал через бесчисленные осклизлые колдобины и ветровалы, продирался сквозь сучья, переправлялся через ручьи и речки. Угнал в одном месте плоскодонку, ночь греб, а подачи нет. Бросил, пошел пешком. Лес не страшил. Быстро пропало ощущение, что кто-то следит, смотрит в спину. Перестал вздрагивать от уханья филина, шелеста падающих веток, не смотрел ввысь на летающих черно-аспидных воронов со своим, неизменным "крукк-крукк"...

Привычным стал лес, но боялся одного: повредить ноги. Тогда уж пойдешь на обед ворону. Отдыхал на берегах ручьев, где застоявшаяся вода замешана на прелом, больном багульнике и похожа на хмельное пиво. Дивился хвойному островерхому лесу, могучим елям, достающим вершинами до плывущих облаков, вдыхал воглый, пахнущий тленом воздух. Ночевал на слое нарубленного лапника, в копнах душистого сена, под перевернутыми лодками.

Но плохо было в лесу с кормежкой. Грибы еще не росли, ягоды не поспели, и потому жался к реке. У воды было легче. Вытряхивал из ловушек все, что находил, ел, сколько мог, коптил рыбу и правился дальше. Три коробка спичек и узелок соли, взятые в дорогу, - берег больше сапог. Встречавшиеся на пути деревни поначалу обходил стороной, потом осмелел, шел прямо по улице, выпрашивая хлеб у сердобольных старух. Отросшая борода и изорванная одежда ставили его в один ряд с теми путниками, что веками колесили по просторам Руси.

Всю дорогу продолжал разговор с Лешкой, упрекал его в малодушии, оправдывая свой поступок. Желание увидеть зазнобу было путеводной звездой, к который он тянулся всей душой, скисался и горевал.

Около одной деревни набрел на цыганский табор. Был вечер. У большого костра сидели бородатые мужики в кумачевых рубахах, женщины в цветастых юбках, бегали и играли ребятишки. Взрослые пели протяжные гортанные песни. Дождался, когда сон распростер над табором свои сладкие объятия, подкрался к накинутому еще на вечеру коню, перерубил веревочные пугы и тихонько увел животину. Чтобы спутать след, забрел в первую попавшуюся речку и проехал верхом саженей триста вверх по течению. Дно песчаное, значит, затянет песком отпечатки копыт - не сыскать пропажу. С цыганским конем не расставался дней семь. Где вел за повод, где ехал верхом. Но в одном месте угодил конь по самые уши в трясину, едва успел Иван спрыгнуть и схватиться за чахлую березу. Нестерпимо жаль было погибшую лошадь, но что поделаешь?.. Впредь такие гнилые места стал обходить стороной..

Плыл на барже, устроившись между бочек с селедкой, но на подходе к небольшому городишку прыгнул за борт: зачем лишний риск? Селедкой, конечно, подзапасся, но больше с таким транспортом не фартило.

Шел, изъеденный гнусом, злой на несправедливость. Набрел на пастуха, покурили, поговорили. Узнав, что Тотьма рядом, дальше не шел, а летел. Эх, сторона ты нашенская, говор и тот родной. Словно и не было мытарств. Как будто нечистая гнала и гнала вперед. Дьявольское искушение увидеть свою Нюру стало невыносимым.

Ранним утром вышел, наконец, к родной деревне. Вот она, на угоре!..

Что, гражданин Оглоблин, захотел мной править? Попробуй, пожуй. Думал, оторвал меня от земли, удобренной потом нашей

семьи? Умник с большой сумой...

Постоял, передохнул, и ноги сами понесли к родному крыльцу. Еще в пути на месте дома виделись ему одни закладные бревна, и он задохнулся от радости и счастья, увидев дом целым и невредимым. Отчий дом, каждой зарубой своей, каждой тесиной. Глаза жадно ощупывали его от красного окна до той самой дверки на сеновал, через которую забирался, возвращаясь с гулянки.

“Пройтись бы сейчас по широким половицам, потрогать воронец у печки... Но что это? Вроде, у дверей прибита доска какая-то?”

Согнувшись, по-воровски, подбежал к углу. “.. начальная школа”. От сердца отлегло. Это хорошо. Пускай ребятня учится, главное - дом на месте... Эх, мама, мама! Где ты сейчас горе мыкаешь? Не ведаешь, что я у родного дома стою...

...С замиранием сердца смотрел Иван с крыши Сапенкова гумна на свою деревню. По-прежнему перекликаются петухи, взмыкивают коровы, ничего, вроде, не изменилось. Только у Гришки Кузенкова появилась новая баня. Ну что же, баня Гришуке нужна, ребят полна изба и сам работящий мужик, все правильно.

Начал собирать коров постоянный пастух Федька, все тем же визгливым голосом закричала на своего недоноска бабка Сима. Но вот почему у Нюркиного дома куры на улице не ходят? Держать перестали? Почему мать ее, слепая Шанежка, на воздух не выбирается? Или еще раю? Нет, пора бы. Вот уж пошли с косами бабы с верхнего конца деревни, а Нюрка не выходит. Но что это?.. От Петьки? Нюрка?! Не может быть!.. Иван протер глаза и снова увидел ее. Почему?!

И вдруг страшная догадка пронзила его. Ошеломленный удивленным, кубарем скатился Иван с крыши гумна в крапиву.

- Хромоножка! Двоюродник! Гад!.. - шептал он, скрипя зубами и царапая в отчаянии землю. Потом перевернулся на спину и застывшим взглядом уставился в безоблачную высь.

То, к чему он рвался, было растоптано, опоганено.

“Да, братуха, подсек ты меня под самое сердце... Стоп! Подсек?.. Это еще посмотрим, кто кого!” - Иван оскалил зубы в беззвучном смехе.

изгороди, выдернул нижнюю жердь и юркнул в картофельную ботву. По борозде достиг кухонного окна, привстал, убедился, что дома никого нет, и смело ступил на крыльце. Он знал, где пастух держит ружье и огневой припас. Обратно выбрался тем же путем.

Теперь, когда в руках была длинноствольная шомполка, а под мышкой - холщовый мешочек с порохом, дробью, пулями и капсюлями, Ивана перестала бить нервная дрожь, в голове прояснилось.

План его был прост. Выйти к Щучьему омуту, что за крутым поворотом реки, затаиться в кустах и ждать. Средина лета, погода хорошая, и не может быть, чтобы Петька не пришел на вечерней зорьке к Щучьему омуту, на свое любимое с детства место рыбалки.

Солнце стояло еще высоко, когда Иван облюбовал себе место на крутояре в зарослях крушины. Прежде всего вырезал ножом прямой длинный прут на шомпол, чтобы зарядить ружье. Пороху на ладонь сыпалуну щедро, но и того показалось мало, добавил еще. Ни бумаги, ни пакли на пыжи в мешочке не оказалось. Не долго думая, оторвал кусок от полы рубахи, и без того драной, скатал в ладонях и долго и старательно трамбовал шомполом. Пулю выбрал не круглую, а свинцовый обрубыш - потяжелее. Чтобы туже вошла в ствол, обвернул тряпочкой. Расщепленной заостренной спичкой прочистил отверстие шпенька, аккуратно заполнил его порошниками, надел капсюль. На том приготовления были закончены. Осталось только ждать. Прислонив ружье к кусту, еще раз оглядел противоположный низкий берег омута с песчаной косой и лег в траву, закинув руки под голову.

Он не ел двое суток, но совершенно не ощущал голода. Ни о чем не хотелось думать и почему-то не хотелось смотреть в это бездонное, безмятежно-голубое небо. Закрыл глаза и впал в странное состояние полузабытья, в котором яркими вспышками высвечивались картины еще недавней, но, кажется, уже бесконечно далекой и навсегда утраченной жизни.

Виделись ему то вспашка податливой, хорошо увлажненной земли и склоненная над плугом фигура отца, то корчевка пней на новине, когда пот и пыль застилают глаза, а тугие мускулы и жилы, кажется, готовы лопнуть от напряжения; то косьба густых цветущих трав ранним утром, когда сизая роса обжигает босые ноги и во всем теле такая сила и свежесть, что махал бы и махал косой без остановки круглые сутки. И поверх всего, как высшая благодать, как сладкий сон, - затмевающие разум сидения с

Нюрой, ее жаркие губы, нежные руки...

Ведь было же, было все это! И в любви до гроба клялась, и смотрела преданно-завороженно своими ясными честными глазами!

Сердце Ивана опять начинает бешено колотиться, шевелилась борода от перекатывающихся на скулах желваков.

“Петъка, брательник, шкура поганая!.. Мне, мне эта красота была Богом дадена, только мне, хромоножка уродливая!.. Или, раз уж власть, значит, гребу и свое, и чужое?!”

На память пришло, что из-за телесной хлипкости и уродливости в детстве Петъка не водился со сверстниками, которые постоянно его дразнили. Тогда-то он и пристрастился к рыбалке, целями днями шлялся по речке с удочкой и, к великой зависти всех деревенских ребят, часто возвращался домой с хорошим уловом. И когда он стал взрослым парнем, рыбалка оставалась единственной его страстью. На девок и не поглядывал - да и кому он такой был нужен? На вечеринки не ходил, в праздники не гулял, зато никто не выносил с речки столько хариусов, крупных язей и щук, сколько он.

“А стал властью, и ограб лучшую во всей округе девку! Из-под носу у сродного брата. В мыслях, поди, еще и глумился надо мной, похочатывал, а как же - в комиссии по раскулачиванию, что хочу, то и ворочу. Не ты ли и матку-то мою выслал, мозглик недоделанный?! Ладно. Половил рыбешки - будет! Теперь сам на корм налимам пойдешь...”

В голове билось: “А как Нюрка-то пошла на такое, она-то что думала, где ее-то сердце было?!” Но Иван гнал от себя эти мысли - Петъка во всем виноват, только он один, больше никто...

...Скошенная луговина за рекой уже подернулась туманом, когда Иван услышал на коровьей тропе, на той стороне омута, неровные шаги. Идет!.. Отжав стволом ружья мешающую смотреть ветку, Иван впился глазами в противоположный берег. Кровь застучала в висках, по телу пошел озноб. Идет! А уже думалось, что напрасно ждал.

Петъка вывернулся из-за ивового куста и, припадая на слабую ногу, стал торопливо спускаться к песчаной косе, на ходу разматывая длинную щучью удочку; на сгибе его согнутой руки висела плетеная корзинка. Вот уже заскрипел под ногами песок. Петъка опустил корзинку на землю и склонился над ней, чтобы выбрать наживу.

- Гух-ух-ххах!.. - ахнула шомполка.

Эхо громом прокатилось по ивняку и, отражаясь от берегов и

воды, пошло гулять над притихшей землей, пока не достигло дальнего леса и не вернулось тяжелым вздохом: ххаа!..

Выскочив из-за куста крушины на край обрыва, Иван увидел сквозь рассеивающийся дым распластанное на песке тело Петьки и швырнул ружье в воду. Всё! Земные дела завершены. Больше на этом свете он никому ничего не должен.

Теплая вода омута фонтаном взметнулась над его головой, плотно охватила все тело, ноги потянуло в холодную глубину. Перед глазами вдруг проплыло бревно, и голос старшего артели резанул по ушам:

- Аншпугом хватай, мать твою так!..

“Откуда старшой? - И тотчас молнией в мозгу. - А Нюра?.. Н и к о г д а не увидеть ее?!”

Собрал силы, оттолкнулся от дна, всплыл. Хватаясь руками за ивовые кусты, кое-как выбрался на берег.

“Да неужели я страдал и шел сюда только затем, чтобы утонуть и не увидеть её?! Нюра-голуба, прости! Я приду к тебе. Я возьму тебя. А там - велика Русь, ищи-сзищи...”

Оглянулся на лежащего на песчаной косе Петьку и пьяно пошел от берега по вытоптанной коровами тропке.

6

Иван добрался до Петькиного дома и осторожно обошел избу, нашарил дверное витое кольцо и приоткрыл дверь.

- Нюра... Нюра...

В сумраке комнаты послышался скрип половиц и голос, немного сонный голос его Нюры:

- Чего, Петька? Рыбу чистить помочь?

Нестерпимо защемило в груди.

- Нюра... выди. Нюра!

- Ой, кто это? Кто?..

- Нюра, голуба моя...

- Ваньша... Неужели?! - И кинулась на голос.

Они стояли в сенях возле дверей. Иван прижимал к груди любовь свою, и слезы, невидимые в темноте, бежали по заросшим его щекам.

- ... освободили, родненький ты мой!.. Я верила, что тебя отпустят... Петька все хлопотал, он ведь писарем в волости. В губернию бумаги посланы... А мама померла. Перед смертью наказывала, чтобы за теткой Катей смотрела. Они ведь подружки были. С молодости. Вот я тут и живу третью неделю.

- Зачем? Ну зачем тут?!. - скрипнув зубами, выдавил Иван.

- Так я ж говорю, - растерянно пролепетала Нюра. - Дядя Софрон в пасху с вина сгорел, а тетку Катю параличом разбило. Вот мама и наказала мне перед смертью... Да и страшно однажды. Лихих людей много. Опять вчерась кто-то у Федьки-пастуха ружье выкрад...

Холодом обдало сердце Ивана. Хоть и не до конца, но что-то уразумел.

- А ты чего подумал?.. - ворковала Нюра. - Да нешто бы я... глупенький ты мой! Тетка Катя пластом лежит, не встает, и Петька убогонькой. Легко ли? А житье трудное стало. Рыбу Петька-то ловит, дак тем и кормимся... Да чего мы тут? Пошли в избу! Ты и мокрой весь. Дождь, что ли? Счас я накормлю тебя ушкой. Скоро Петька придет. На реке он. Вот обрадуется!.. Не зря хлопотал...

Лишь теперь до сознания Ивана дошло, что он сотворил.

- Нам уходить надо, - глухо молвил он. - Нюра, голуба моя, соберись быстренько, пойдем!

- Куда, Ваньша, уходить-то? Зачем? Или ты... не по закону? Скажи, Ваньша, не по закону?

- Сбежал я, радость моя. К тебе сбежал.

- Что ты наделал?!

- Моченьки не стало. А теперь нам в другие края подаваться надо.

- С тобой я хоть куда. Только как жить-то? Скрываться?

- Время такое, не больно и искать станут. А дом я не хуже батькова поставил. Пойдем, пока люди спят.

- Ой, Ваньша!.. Страшно... Я уйду, все брошу и уйду! И сгинем так вместе. Только подожди Петьку. Обсущись, поешь. Да и с Петькой поговори. Может, присоветует чего. Он ведь не глупый. И не бойся, не выдаст.

- Не придет он. Никогда не придет.

- Как не придет? - Нюра отшатнулась. - Ты видел его? Да говори же ты, видел?!

- Не кричи, Нюра... Видел. Он у Щучьего омута... Это я у Федьки ружье взял... Гляжу утром, ты от Петьки вышла, ну и...

Нюра, спотыкаясь, бежала к реке по знакомой с детства дорожке. Будто связанный одной веревкой, бежал за ней Иван. Они еще не видели, что в сумеречном свете белой ночи, в кисее расстилающегося от реки тумана, навстречу им ковылял, согнувшись, Петька. Левой рукой он зажимал правое плечо. Кровь сочилась меж пальцев, тяжелыми каплями падала на траву и, смешиваясь с росой, розовыми пятнами метила его путь.

МЕЛЬНИК

Мельницы издавна славятся нечистой силой. Нечисть заводится в мельничных постройках вместе с установкой жерновов и не покидает облюбованного места, даже если вода перестает шуметь в мельничных колесах. Дьявольская братия ревнится на вольных хлебах, жиреет и плодится в великом множестве и самой разной масти. Находится много очевидцев, видевших своими глазами самого речного хозяина, отдыхающего на каком-нибудь топляке. Русалки же постоянно балуются после душного летнего дня в тумане молочного пара, поднимающегося над рекой.

Мельника тоже побаивается народ. Не зря же годами вертятся колеса, принося немалый доход владельцу. Может, он сродни черному ангелу? Может, за главного у них?

Не всякий мужик отважится ночевать один на мельнице. А вдруг утянут под воду... Мельнику что, показал, в какой ковш засыпать, где обдернуть, и на покой можно. Мели, родной, не засни, смотри, да со сна головой сам в тот ковш не упади. Еще на голе жернова не пусти, дел ремонтных много будет.

Шум от работающей мельницы слышен далеко, как и самые невероятные истории и сплетни, что передаются здесь из уст в уста, сортируются, поправляются и расходятся по окрестностям деревням. Хорошо, если помольщиками окажутся свояки или кумовья. Ночь длинная, обо всем можно успеть поговорить. Но русскому обычай встречать есть встреча, чтобы немного помнилась. Добавка спиртного всегда есть у мельника, и нет большой беды, если утром с большой головы оставишь хозяину мельницы мешок муки за услуги. Но пятый день помольщиков нет. Мельник лениво развалился на солнцепеке, сунув под голову кулак, поросший рыжим волосом. Лежит в одних кальсонах. Потухшая трубка выпала из руки, ничего не выражавший взгляд устремлен на реку. Краски жизни стерлись, растворились, сделались нудными от одиночества. Не так красива радуга после недавней без дождя грозы, нет ажурного каскада из брызг падающей воды с большой высоты. Все не то. И сама плотина, не очищенная в этом году от зелени, выглядит заброшенной.

Мельник вдов. Всего три дня не дожила до своего сорокалетия покойница Параня. Вымылась в жарко натопленной бане, расчесала перед зеркалом смолистую косу, легла на кровать и тихо простилась с миром. Муж даже не сразу понял, какое несчастье обрушило ему радость жизни. С тех пор проклятая тоска

поглотила его душу, вырвала из рук всякую работу. Не ожило его сердце даже весной по прилету уток, до которых был раньше большой охотник. Само утиное кряканье казалось насмешкой над ним, одиноким.

Уж как любил он свою Параню! Какая была женщина удивительной и чувствительной души. Вон на тех мосточках полоскала, бывало, белье. Разогнет спину, вытрут брызги с лица и долго смотрит в речной изгиб. Потом вздохнет тяжело и снова принимается за работу. Может, страдала оттого, что не было у них детей, может, другое что тревожило. Не раз, пробудившись ночью, видел жену стоящей у окна. Любила Параня лунные ночи. В такие минуты смутно и тревожно смотрел он на жену, догадывался, что живет в ее сердце большое невысказанное чувство, что она переживает ей одной ведомое. Назавтра старался прочесть в ее глазах ночные думы, но Параня только смеялась.

“Ой, Параня, рано ты осиротила меня, ой рано. Завтра Ильин день, не за горами Покров, снова братан в гости звать будет, а идти на родину, что себя живого зарыть. Как плясала ты, бывало, как частушки пела!..”

На волосатой груди запутался овод, но даже его гудения не замечает Ефим. Лежит, в который раз перебирает на весах совести плохое и хорошее. Не вечен человек, как и все живое, но не задумывается в повседневной жизни над смыслом бытия. Раньше и Ефиму жизнь казалась бесконечной и длинной, как та дорога в день их свадьбы. Добрые кони мчали во весь дух по снежной равнине, летели комья снега от копыт в передок саней, а Параня толкала в спину Ефима и зорко кричала, чтоб гнал еще быстрее. Вспыхнула по снегу малиновая шаль с кистями, свистел ветер в гривах коней... Не задумывался и Ефим, когда куражился в пьяном виде. По обычай нашему пил редко да метко. А Параня как ни в чем не бывало хлопотала утром по хозяйству, смеясь, спрашивала про больную голову и ставила на стол туесок с квасом. Ефим, как побитая собака, убегал куда-нибудь и еще не одни сутки чувствовал себя не в своей тарелке.

“Поздновато хватился казнить себя, поздновато. Другомя можно было прожить, ой другомя! Хоть бы знать, о чем страдала. Эх, житуха человечья...”

После смерти жены начал было с горя попивать крепко, потом враз остановился и впал в совершеннейшую апатию. Думы, думы...

Петух подвел своих подружек к самой воде, оглашенно захлопнул крыльями, закукарекал.

Ефим потянулся за трубкой, но не нашарив ее, повернулся на бок. Взгляд упал на веревку: показалось, идет его Параня с ивой корзиной на руке и ловко кидает белье для просушки.

"Завшишо скоро", - мелькнула мысль. Сел на песок и стал набивать трубку, старательно уминая табак пальцем.

"Может, спалить эту мельницу и на родную сторону мотануть? У братана семья большая, да ведь и я не чужак и не нищий. Наделил батько меня хозяйством. С одной стороны - спасибо, а с другой... понеси все нечистая сила! Ведь говорили люди: нечего добра ждать..."

Отец Ефима вошел в дом в деревню Новгородскую. Таких примаков называют у нас домовиками. Был Иван Михайлович здоровущим мужиком, роста трехаршинного. Он сразу зажил на широкую ногу. Не скучая нищим давал, ставил миру в праздники три лагуна пива, торговал овсом и маслом. Мать Ефима была болезненная женщина, быстро уставала на работе, часто плакала. Держал Иван Михайлович работников. Один глуповатый парень жил постоянно в доме Ивана Михайловича, летом пас коров, зимой валил лес для казны. Хозяин часто хлопал парня по плечу, обещал женить на самой красивой девке и дать за работу ту корову, которая на него посмотрит. Дурак почитал Ивана Михайловича за бога. Хозяйка однажды при дураке начала хлестать корову, которая нравилась работнику и которую он уже считал своей. От ярости парень скватил кол и ударил хозяйку по голове. Женщина охнула и без памяти дожила только до следующего утра. Хозяин не рассердился на дурака, только виновато сказал:

- Зря ты, Гришуха, она и так не жилец была.

Вскоре женился Иван Михайлович вторично. Посадил обоих сынов за стол и велел молодке накормить ребят. Ефимка, старший, никогда не видел отца таким. Сидит в углу, нахохлился, как сыч, густые брови глаза закрыли. А молодка убегалась около стула.

- Вот, - сказал отец, когда ребята поели, - чтоб так всегда было, Дарья, - и показал пудовым кулаком на икону.

По окончанию полевых работ наступала пора временного затишья. Начинался сезон свадеб. На свадьбы рыжий Иван приглашался первым, и считалось большим почетом, если садился он около жениха. Иван Михайлович брал с собой на свадьбы глуповатого парня. Парень сидел на пороге и дожидался, когда хозяин, сходив до ветру, сидет рядом с ним. В свадебной шумихе иногда забывали во время поднести обоим сидящим на пороге

братью пива. Тогда хозяин говорил работнику:

- Харкни-ко, Гришука, женишку в рожу, чего это гостей забижают.

Парень, довольный от совершенного, смеялся до колик, тогда как жених выглядел мокрой курицей. Против Ивана Михайловича хвост поднять? Да по одному через колено переломает.

Однажды ограбили креценскую ярмарку в Великом Устюге. Появление в первых числах июня незнакомых мужиков не прошло не замеченным. Пришлые схватили у перевоза Зинка-хапка и велели принести два лагуна пива. Видимо, слышали, что Троицу в этих краях спрывают знатно. Иван Михайлович наслышан был от урядника про устюгские дела и сразу смекнул: вот где сорок нош добра. От Устюга до Кокшеньги сузём стеной стоит, черт ногу вывернет, пока доберутся.

Посоветовались мужики и решили: дело не доводить до греха, если сами воровские людишки не полезут. Праздник празднико, а придурак по приказу хозяина следил за ворами. Его ответы еще больше укрепили уверенность Ивана Михайловича. Он уговорил своих мужиков порубить христопропадцев. Мужики согласились, только в схватке погиб и сам Иван Михайлович. Может, свои тяпнули топориком, может, вор какой не сплоховал. Между тем старший Ефим подрос. При отце была построена мельница и держался на ней работник. После смерти отца сын исполнил его волю: женился и уехал с молодой женой жить на мельницу, оставив младшему дом и хозяйство.

Все мельнику дает река. Рыбы есть не переесть, да не лезет и в глотку. Эх, как варила уху Параня! Лицо раскраснеется, волосы дымом пропахнут... а как звала отведать ушицы! Голос и теперь стоит в ушах, певучий, межный. И спешил Ефим на зов, склапызая на ходу себя от мучной пыли, приглашал помольщиков в компанию... Вместе с Параней, бывало, ездил он на лодке снимать донки. Параня гордо вскидывала голову и начинала петь.

...поедем красотка ката-а-ться-я-я

давно я тебя поджидал.

Неслась над рекой песня, рвала душу. В сильном волнении подхватывал и Ефим, забывая про весла.

- Счастливо живет Ефим. Что голубки, - говорили между собой помольщики, - не всякому бог такую бабу отвалит.

А теперь что? Лодка еле на плаву держится, донки забыты. Идет день к вечеру, и слава всевышнему...

Мельник встает, идет к воде, останавливается у кромки и пыхтит трубкой.

“Может, бабешку какую огоревать? Одних нищенок к осени вон сколько будет. Только вряд ли какая добром пойдет, затруси, убоится меня, дьявола косматого. Не-е-е, добром не пойдет, все меня с покойником батьком сравнивают. Может... богу молиться начать? Вон: Серафим преподобный сорок лет, сказывают, на коленях в пустыне стоял... А чего его в ту пустыню понесло? Молился бы у себя на задворках, бог все видит. Ошивал, поди-ко, вроде меня, вот и понесло в пустыню.”

Ефим бросает на песок трубку и кидается с маху в реку. После купания снова садится на старое место и глядит на сосны противоположного берега. Лес медным отливом вытянулся к самому небу.

“Вон он пень, спасибо тебе, Яшка, хороший крест смастерили. Не обижайся, Параня, я тебя не забываю. Может, зря только с бабкой положил?..”

Из раздумий выводит Ефима подъезжающая подвода. Саженей за тридцать слышится треск и женское уханье. Ефим лениво оглядывается, видит такую картину: нагруженная мешками подвода завалилась правым колесом в весеннюю промоину, скочившая с возу баба что есть силы пытается заставить лошадь вывезти воз. Ефим невольно улыбнулся, сравнив ее старания с бегающей вошью по гребню. Лошадь рывками берет так, что готова выскочить из хомута, баба забегает с разных сторон, понукает, заглядывает под телегу, чувствуя неладное. После нескольких попыток баба в отчаянии кидает повод и идет к мельнику. У бедной заподибались ноги, когда она увидела наполовину голого Ефима.

- Что скажешь, голуба? - Ефим поднимает на подошедшую женщину голову.

- Тележка, дяденька, в яму колесиком попала, как-то выехать надо, - отвечала та, немного оправившись от страха.

“Дяденька... колесико...” Слова, кажется, не доходят до Ефима.

- Надо как-то... - баба принимает его за пьяного или не в своем уме.

- Ты иди, тово-этово... Иди.

Женщина быстро поворачивается и возвращается к повозке.

“Господи, пронеси и помилуй!” - шепчет она на ходу слова молитвы.

Ефим устало смотрит вслед, по-мужски отмечает про себя, что ладно скроена баба и чем-то похожа на покойницу Параню. Потом встает, идет к мельнице, думая про это сходство. У самой

плотины сильно всплескивает щука. Этот всплеск и расходящиеся круги окончательно возвращают его к реальности. К повозке он идет уже в штанах и рубахе. Глядит, как женщина поправляет съехавший мешок и спрашивает:

- Откуда будешь-то, голуба?

Баба отвечает:

- Так в вашей деревне свойкой живет, Михайло Кузьмич, знаешь?

- Как не знать, чай, не завозная.

Ефим осматривает телегу, находит, что сломалась ось.

- Придется отсюда носить, - говорит он, по привычке снимая расшитую рубаху, но, оглянувшись на бабу, натягивает ее обратно.

- Ты что, поменьше мешков не нашла? - спрашивает, берясь за первый пятипудовый мешок.

- Так свекор в таких отправил. Говорила, что не унести одиночно, мне и не поднять-то, а он злится да матюкается. Поедом засел... —зачастила, оправдываясь, баба.

- А кто свекор-то?

- Как и сказать, не знаю, в народе Митькой-рылом зовут.

- А-а-а, в глаза не видел, а слышал про вас. Ума палата... Это твой мужик на барках ходит?

- Ушел и не вертается.

Женщина бьет оводов на изъеденной в кровь грудине лошади, помогает ставить мешки. Наконец воз разгружен. Помольщица ведет за узду лошадь к мельнице, сломанная телега скребет боком о галечник.

- Распрягай тут, - говорит ей Ефим, - я засыпать на обдирку пойду.

Через полчаса выходит на улицу. Женщина спит прямо на траве, прикрыв лицо и руки простенким платочком. Лошадь, привязанная к столбу, бьется от наседающих кровососов.

“Заморилась пашная. Что бы лошадь в сарай поставить, голова сосновая”.

Заводит лошадь в сарай, ругает про себя свекра, Митьку-рыло, отхватившего у коня хвост по самую репницу, потом приносит из дома покрывало и осторожно укрывает им женщину от жужжащей твари.

Проворно работает пущенная мельница, наверстывает простой: ей тяжело, как и человеку, без дела.

Мельник садится на чурак, набивает трубку. Потом вспоминает, что в сарае есть хорошая ось, и принимается за ремонт тел-

ги.

Смолото зерно, починена телега. Все это проделал Ефим легко и проворно, оглядываясь на спящую бабу. Уж очень захотелось сделать ей приятное. Знать, хватила лиха, едут на ней, как на тягловой лошади. Сам Рыло небось не поехал, ее отправил, надрывайся баба.

Ефим раскладывает костерок, легонько трясет спящую за ногу.

- Слыши, голуба... голуба, время вставать.

Баба заойкала, увидев на телеге уложенные мешки с мукой.

- Только задремала, кажется...

- Солнце за твою деревню завернуло, задремала... Ефим засмеялся. - Вставай да поужинаем, чеом бог послал.

Оба идут к реке. Женщина черпает ладошкой воду, отфыркивается, стирая капли с лица. Ефим скидывает рубаху, плещется и обливается с удовольствием. Баба снова со страхом смотрит на страшный волосатый торс мужика, пятится от воды. Ефим зачерпывает пригоршни воды и кидает на бабу.

- Не озоруй, Ефим Иванович....

- Ладно, ладно, не ругайся. Пошли ушку сварганим, до дому тебе не близко, протрясет.

Сбегал к себе домой, притащил ведро картошки и пестерь.

- Ставь котелок на огонь, картошку почисти, а я мигом за рыбешкой слетаю.

В хитром колодце-заводи всегда есть у мельника на запас живая рыба. Волочагой выхватывает пару приличных щурят, кидает счасть на черемуху и возвращается к костру.

- Я и спасибо сказать не успела, прости, Ефим Иванович, - встречает его женщина, - как бы я теперя...

Ефим отмечает про себя, что прибралась баба, похорошела.

- Да чего там, - отмахивается, заглядывая в котелок. - Так... Забулькало? Потроши щурят, а я еще сбегаю в одно место.

Когда возвращается, женщина уже поджидает его.

- Может, рыбок спускать?

- Рыбок... Ха-а-хх. Опускай. Это не рыбки, а щурята.

Ефим вытряхивает содержимое пестеря на разостланное полотенце.

- Как Параня оклада, так все и лежало с последнего раза, - со вздохом сказал он.

Баба молча уложила обратно в пестерь всю посуду и пошла ее мыть к реке.

“Вот-те на. С характером, оказывается”, - мелькнуло в голове Ефима.

- Слышь, а как тебя звать-то?

- Анной, - как аукинулась та.

“Анна... Мать покойница тоже была Анна, царство ей небесное. Анна...”

За ухой Ефим стал уговаривать Анну выпить стаканчик водки, ведь не зря же он за косушкой бегал. Едва уговорил.

- Сказывают про тебя, Ефим Иванович, что нелюдим ты... Сижу вот, а всю до костей пробирает. Сама не знаю...

- Пустое колоколит народ. Слыхал, что меня уж к водяному в родню записали, мужики и те на ночь оставаться боятся. А я все Параню забыть не могу.

Уха показалась мельнику, на редкость вкусной. Ефим спрашивал про житье-бытье, про хозяйство, свекра, про деревню. Отмечал, что бог умом бабу не обидел.

- Не знаю, как и отблагодарить тебя, Ефим Иванович, - старательно перемывая посуду, сказала Анна.

Мельник запряг отдохнувшую лошадь в телегу, схватил подошедшую женщину на руки и, продержав немного, посадил на мешки. Анна только ойкнула, как очутилась наверху. Поудобнее уселась, взяла в руки протянутые вожжи.

Ефим шел рядом с повозкой. Ему не хотелось отпускать женщину, ведь вместе с ее уходом снова придет тоска и одиночество.

- Стой, Анна, - неожиданно решившись, сказал он, - стой! Выходи за меня замуж.

- Что ты, Ефим Иванович, что ты, бог с тобой?! - опешила баба.

- Да что ты право... Ведь у меня мужик есть.

- Тыфу, не в обиду будет сказано, не жив твой мужик. Два года, не два дня, вернулся бы.

- Что ты, Ефим Иванович, ведь венчана я!. Что люди-то скажут? Может, жив Ванька? Как потом-то? Ой...

- Плюнь ты на собачий лай. Да один свекор тебя в гроб загонит! Смотришь на него, как на божницу. А жизнь-то одна дадена, худая и хорошая. Нам с Параней бог детишек не дал, а так уж хотелось... Любить меня твой Илюшка будет, вот увидишь. А что поп? Поп за деньги венчает и отпевает, замолит, если грех какой. Приглянулась ты мне, Анна...

- Давно я, Ефим-Иванович, без мужика, а жила честно, подолом не тряслась...

- Не отпущу, пока слова твердого не услышу. Годы мои не те, чтобы, как рекрут, за ригами волочиться да шептаться. Согласись, Анна! Жить будешь, как у Христа за пазухой, словом не наднесу...

- Как тут жить-то? Народу нету, дико все, я этой мельницы с издали боюсь.

- Привыкнешь. А что народ? Каждый день народ, новости из первых рук. Хозяйка мельнице нужна. Раньше четыре хряка землю рыли у сарая, теперь замухрышка один ползает.

Ефим смотрит на Анну. Мысли Анны беспорядочны от такого поворота дел.

“Нет, такие мужики не обманывают. И правда, может, нет Ваньки в живых, а я смотри на свекровь сопли, ни вдова, ни мужняя жена, ломи от зари до зари, угождай, а им все неладно. Горелой коркой попрекают... А он... По мне так и нисколько не старый, вон как меня на телегу кинул. Медведушко... Ой, грех-то какой...”

- Свекор, Ефим Иванович, сарафана за мной рваного не даст.

- В нарядах ли дело-то?! Чай есть у меня на что наряды завести.

- Не попрекнешь потом?

- Бог ты мой, Анна, не корову в хлев завожу - бабу в дом беру, да разве можно?

- Тяжело тебе будет, Ефим Иванович. Сравнивать меня во всем с Параней будешь. Не забыть тебе ее, хоть и не прошу об этом.

- Что мое, то мое. Не тронь ее, ладно?

- Говорим-то с глазу на глаз, и поверить не знаю как.

Ефим крестится, призывая в свидетели мать покойнице и небесную твердь, ангелов и сосновый бор.

- Только без попа я не согласная. Как без попа-то?

- Да будет тебе поп, будет. Жди, дня через два на вечеру прикатим с братаном на лошадях! Парнишка чтобы не убежал куда, все как у людей будет. Ох, заживем, ей богу, не скаешься! Уж больно ты мне, Анна, приглянулась. Согласна, значит?

Женщина утвердительно кивает.

- Жди, голуба ты моя, через два дня подкачу. Ну, прощай пока, не торопись, с богом.

Мельник возвращается на свою мельницу. Приветливо гудит в вершинах мачтового леса ветер, запах перестоявших медовых трав щекочет ноздри.

НУЖДА

Колхозный сторож Евсей, косоглазый старик по прозвищу Кислый, угрюмый и крепкий, сидел осенним вечером у картофельного хранилища. Сидел, сидел и поймал вора.

Вор был малорослый, верткий, не сразу сторож из-за слабого зрения приметил его. Или задремал, плотно завернувшись в тулуп, или пало на ум что-то прожитое, но когда очнулся, то подумал на небольшого медведя.

Подкрался Евсей, радуясь удаче и намереваясь увесистым колом с первого удара перешибить зверю хребет, но тут спину сторожа осыпало инеем: мать божия, чуть грех на душу не принял. Вор ойкнул и нырнул в люк овощехранилища.

- Вылезай! - крикнул Евсей. - Я те покажу, как картошку воровать!

Вор не откликнулся. Потом послышались всхлипывания.

- Кому сказано!

Дело было в голодный сорок шестой год. Народ пух с голода, и смерть собирала богатый урожай. Голод голодом, а за воровство меньше десяти лет не давали. Вора надо было изловить и доставить к председателю, который, верно, храпел в этот час.

- Собственноручно выдерну!

Угроза подействовала.

Евсей железной рукой схватил за воротник шубы и почти выдернул вора наверх. Наклонился, стараясь разглядеть лицо, но тот норовил оставаться неузнанным.

- Закрывай яму, не свое хапаешь!

- Как я закрою, если кишки из меня выдавил?

- Машка? - удивился сторож, по голосу сразу признав воровку.

Евсей придержал ее за рукав и женщина закрыла хранилище.

Дорога была по деревне. Через деревню Евсей воровку не повел, здраво рассудив, что ни к чему колоколить на всю округу.

В небе горели звезды, было тихо и пустынно. Усталая деревня спала и не ведала о случившемся преступлении.

- Евсей Кузьмович... а, Евсей Кузьмович?

Такое обращение тронуло. Редко кто называл его Евсеем, а уж Кузьмовичем... - сам забыл, как отца звали. Кислый и Кислый. Отец - Кислый, дед - Кислый, прозвище вроде родового герба.

- Не давил бы так, завтра молотить не замогу. Куда мне от

тебя бежать, бают, на медведя с рогатиной ходишь.

И это пришлось по сердцу: разжал пятерню.

В тулупе идти было тяжело, да и валенки пудовыми гилями тянули ноги.

- Что же теперь с моими детишками будет, а, Евсей Кузьмович? - заискивающе, с мольбой спросила воровка.

- Думать надо было? Ударница... не ударница, а рожа бесстыжая!

- Нужда-матка. Кто знал, что ты в эдакую пору службу несешь. Есть же люди, как ты, Евсей Кузьмович, их хоть на божнику ставь.

Евсей удовлетворенно крякнул.

- Дай, думаю, сбегаю, пока спит Евсей Кузьмович. А вон как обернулось... Бессонница, что ль, у тебя?

Евсей молчал.

- Я как получила похоронку на мужика, тоже уснуть не могла. Авдотья, царство ей небесное, велела испить воды нашептанной, и как рукой сняло. Бают, внучке передала Авдотья завет-то, дошел бы, а?

Не дождавшись ответа, женщина опять продолжила:

- Вот тебе, Евсей Кузьмович, надо не шестнадцать трудодней начислять за такую собачью работу, а сорок семь, как Ваньку-бригадиру. В сенокос дрыхнет под кустами, не бьет его и не мочит...

С бригадиром Евсей жил на ножах. Бригадира он уличил весной на посевной, когда тот отложил в сторону мешок жита, якобы запамятали...

Евсей остановился, строго посмотрел на женщину.

- Пошли, не твоего ума дело.

Изгородь кончилась, началось поле, вспаханное под зябь. Утоптанная тропинка оборвалась и идти стало тяжелее.

- Как думаешь, Евсей Кузьмович, если бригадира на твое место поставить, как бы он поступил? Васька бы ночью не пошел тащить, ему бы и бела дня хватило... Помнишь, как его бабка сидела в жите и колоски стригла? Скажешь, у них в рот положить нечего? Брат-то Семен, царство ему небесное, до фронта трактористом в МТС работал, а тогда трактористам хлеба вволю давали. Бают, Евсей Кузьмович, будто Семен-то с вашим Лавером в один день преставились?

Евсей от неожиданности задохнулся, простонал:

- Лавер, Лавер..

И вдруг такая тоска защемила грудь, словно своими руками

могилу сына закапывает.

Дошли до наволока. Стало светлее, спокойнее.

- Убей тут, Евсей Кузьмович, больше не могу, - вались на ходную отаву, сказала Мария.

Сел Евсей, распахнул тулуп, обтер с валенок глину.

Не сговариваясь, оба глубоко вздохнули.

- А ты мужик здоровущий. Женился бы.

- Опупела?

- А какая в том дикость? Пожалуй, Евсей Кузьмович, ты еще молодого за пояс заткнешь, а? Сколько годков-то?

- На Николин день десять десятков.

- Ой ли? А ведь больше сорока не дать. Не дать! - убежденно сказала женщина.

- Ну уж тоже...

- Честное слово! Мой Петро не кисель гороховый был, а и рядом нет.

- Скинь тулуп-то... вот так, обоим места хватит.

Посидели, помолчали, каждый думая о своем.

Мария думала о своих чадах, оставленных в избе, прощалась с каждым по отдельности, мысленно обнимая всех троих. Горючая слеза выкатилась из глаз. Евсей проклинал собачью должность и мечтал о том времени, когда заживут люди хорошо и не понадобятся сторожа.

Вдруг Мария обняла Евсея за шею, притянула к себе.

- Евсеюшко, хочешь... я сейчас, я твоя... я...

Евсей оторвал от себя ее руки, сердито сверкнул косыми зрачками.

- Сшавела?! Пошли!

- Ну, пошли, - покорно согласилась Мария.

Прошли с полсотни метров, Евсей заметил, что мешок с картошкой остался на привале.

Повернули обратно.

- К чему, думаю, плетешь? А вон к чему... - пыхтел Евсей.

- У баб одно на уме...

- Дурь.

- Да нет, как детей накормить. Ты вот на шестнадцати трудоднях, поди-ко, на одной редьке сидишь.

Слова бабы кольнули сердце. Жил Евсей один как перст, рубаху выстирать некому. В прошлый год не смог выполнить мясной налог, и в этом году, хоть сдал двух баранов, снова ходит в должниках.

А Мария не успокаивается:

- Кто на редьке, а кто в масле сидит. Помнишь, у Сичеников летом хромой баран в стаде ходил? Думаешь, где он теперь?

- Где?

- У агента в чугунке, вот где!

- Врешь!

- Во, перекрещусь! Агент того барана в счет не внес, и надо думать, что Сиченикам на другой год налог поурежут. Так-то, Евсей Кузьмович. А тебе за меня благодарность дадут, может, к ордену представят. Ты повесь ее, благодарность-то, рядом с фотокарточкой Лавера, да и вспоминай за чайком.

- Не тронь, подлая, Лавера! Он за правое дело погиб!

- А я за левое сгину.

Опять пошли путем-дорогой.

На мосту через речку задержались. До председательской избы оставалось только подняться в горушку.

В застывшей воде перемигивались рассыпавшиеся отражения звезд. За ближним мысом крякнула утка.

Мария шагнула к краю настила, Евсей схватил ее за воротник шубы, но она успела бросить мешок в речку.

- Вот и вся басня, - озорно вскрикнула Мария. - Глубоко лежи полезет искать.

- Хитра, - усмехнулся Евсей.

Вести ее к председателю ему расхотелось еще на наволоке. Последний отрезок пути он шел, соображая, как оправдается перед собой, если отпустит Машку. Бабу было жалко, потом во веки веков не простила бы ему деревня содеянного зла. Опять же - трое сирот останутся...

- Может, обратно пойдем, Евсей Кузьмович?

Евсей помедлил, все еще прикидывая "за" и "против". Потом решительно выбил о колено шапку, нахлобучил на голову и развернулся от председательской избы.

По зяби тащились, помогая один другому.

- Давненько я ночами не гуляла. Отвела душеньку, - едва шевеля губами, сказала Мария.

- Дура, - сказал на это Евсей.

У начавшейся изгороди сторож пошел по тропинке, а бывшая воровка отвернула к своей избе.

ПРИ ПОРОГЕ, ПРИ ДОРОГЕ...

Семьдесят семь лет топчет землю бабка Агафья. Оглянется назад - самой не верится: неужели столько отжила? Много за это время воды утекло, много раз куковала кукушка, много людей, ее окружавших, отошло в мир иной. Однокими длинными ночами перебирает в памяти тех, кого знала и по за коже мороз: сколько же она помнит!.. Припозднилась смерть по ее душу, ровно второй век отмерила. То ли сугробы мешают, то ли просьб не слышит, а может, забыла. Живет бабка на краешке деревни в покосившемся пятистенке, одна как перст божий, никому не мешает. Живности в хозяйстве кот Сидор да пара курочек. Был еще петух, да бегал драться на другой край деревни, и пришлось племяннику Векене отрубить ему буйную голову. Кормится с приусадебного участка, не брезгует, коль подадут соседи кусок мяса или банку молока. Векеня проведует тетку от случая к случаю, как он сам говорит: "Пришел вот отточить мысль". Редко выглядывает бабка из своей конуры; высокая, малоразговорчивая, с почерневшей кожей на дряблом лице, опираясь обеими руками на батог, тяжело бредет по деревне. Оторопь берет: ни дать, ни взять древнего письма икона выползла из тенотного угла и беду вещает: смотрите на меня люди, смотрите и знайте! Не для одной праздной жизни создан человек, - я ваша совесть!

Скучная у бабки жизнь. С горем легла, с горем пробудилась.

Поворожит на хлебцах, что называет бобы, пошамкает над страницами псалтыря, в оконко посмотрит, газет поразбирает. Привязалось к ней горе с похоронкой мужа да так и тащится за подолом с той поры. Ладная с молоду, проворная да приветливая была, может быть, рвалось сердце в истоме, может быть, много ночей проревела одна с четырьмя малолетками да слепой свекровью впридачу - она одна знает. За хлопотами-печалями ускакала красная молодость, вроде радостью дохнуло от телеграммы старшего сына: "Успешно закончил", а беда, как караулила у ворот свою долю - утонули обе девочки. Не успела оплакать как следует, новый удар: проглотила тундра геолога Матвея. Через три года женился младшенький и снова горе: зарезали под пьяную лавочку. Казалось, железо не выдержит, а она выстояла. Бывало, возьмет в руки веревку, думу несуразную думает: для чего жить? А за спиной будто кто ластится, наговаривает: скорее, скорее! Бросит веревку, дрожит, в себя прийти не может. Да как же ее, от своих рук умершую, Господь примет в райскую обитель? Ведь на веки вечные, на муки адские себя и своих детей ангель-

ских обрекает!

Сорок лет отдала колхозным коровам. Пальцы скрючило, кости извертело, спасибо хоть пенсию добавили до сорока пяти рублей, а то двадцать восемь получала. И медаль "Ветеран труда" на кофту прошлый год прикрепил председатель колхоза.

Не мил белый свет бабке, обиженней себя и обделенной чувствует. Бог лишил ее счастья, колхоз - здоровья и внимания. Придет Векеня, новости расскажет, даст понять, что не последний винтик в колхозной машине, раздуется, если тетка с ним против шерсти поговорит. Векеня человек партийный, а тетке за партийцев как-то стыдно. Вроде помнит грозные наскоки уполномоченных, матюки колхозного начальства, не забыла, как выбивали подпиську на займы, а все равно стыдно. В партию она верила, партии она боялась, а теперь такое про вождей плетут, что читать боязно. "Господи, жили и не знали..." - вздыхает бабка.

- Собрание седни, - зевает Векеня, - мировые вопросы решаем.

- Головотяпы мировые, - ворчит тетка, - помелом вас время... эко брюхо разъел.

- Пятый десяток, чего бы ты хотела.

- В твои годы вместо плуга тянуть надо, а вы для виду живете, из пустого в порожнее переливаете.

- Эх, тетка, тетка... Не зря Бог от тебя отвернулся. Вот слушай. Нынче дело обставлено так: кто беднее, тот правее. Бедным деньги сверху валят, а от богатых отбивают. Помнишь, как раскулачивали раньше? Вот примерно так и теперь.

Про бедность Векеня болтает с толстым намеком. Не так давно объявился в колхозе новоиспеченный арендатор Колька Резинин, затребовал пятьдесят гектаров самолучнейших земель и двадцать коров - трехтысячниц. Мужики на такое притязание натянули кукиш. Векеня агитировал даже исключить "бездонную вшивовату" из колхоза, но Колька громко раскаркался:

- Спробуйте не дать - до Москвы дойду!

У правленцев вытянулось рожи: живет в казенной квартире, леший знает, чей да откуда, а тут нагло прет?! Собрали правление колхоза в другой раз и... отдали требуемое. И полетел Колька на крыльях Продовольственной программы. Нынче побывал в столице на совещании арендаторов, кое с кем ручкался. Вот и укуси его, а ведь из простых шоферов. Кумекает народ про дальнейшее Колькино фермерство, уж как-то не с того боку молотит... Загнал коров в заброшенный телятник.

- Лет пять не упадет, - заявил, - а там видно будет. Тащит все, что не пищит.

- Ты хоть спросись, - совестит председатель.

- Беру свое - пай деда!

Корм - с плеча, навоз - с горба, дойка ручная. Жена ревит, Колька себестоимость продукции считает. Чинит списанный комбайн, каждый день тащит к себе под крыльцо рюкзак железяк от мастерской. По весне думает поставить на реке плотину и приспособить дармовую энергию крутить корморезку.

- Побьется, побьется, да плюнет, - говорит Агафья.

- Факт. Надумал на старый полоз воротить, - поддакивает Векеня.

- Старое не поворотить, а новое прозевать можно.

- Да кому оно надо такое новое? - Векеня принялся "оттаскивать мысль". Сегодня собрание и не помешает будет капнуть на голову "бедного Разинина" парочку охладительных фраз. Государство будет передавать землю колхозам, колхозы- мужикам, во и остригли тебя как барана в две руки. Чтобы умно хозяйство вести, надо иметь свою и кузенку, и меленку, и спичечный завод. Трактор купи втридорога, удобрение тоже, топливо, семена, да потом твою землю испакостят... Что руками машешь? Гадов везде хватает, и останешься без портков...

Тетке и интересно, о чем племянник толкует, и тошно: этот не тряхнется, живет не скучается.

"Пособи ты, Господи, умереть спокойно," - думает бабка Агафья.

Если бы кто нетутошний вздумал признать в председательствующем на собрании кладовщиком Векеню Безменова, он, верно, ткнул пальцем, самое малое, в уполномоченного губернского разлива. Правда, в последние годы уполномоченными пугают детей, нездешний человек мог согласится на гастролирующего кооператора, что окаменел с зыркающим взглядом на вологодском рынке над своими портками с сотней карманов и полтысячью заклепок на них, но, по-русски почесав в затылке, положил бы Векене ученую степень магистра колбасного производства. И зря: Векеня принадлежит к плеяде тех, кто не питается процентом субпродуктов от районного показателя самообеспечения, кто не ломает голову над проблемой выживания рода людского, и которых вся жизнь, если не святая пасха, то и пустобрюхое заговенье. Векеня сидит упитанной статуей, важный, преисполненный доверия. Он будто не замечает, как в зале дерут рты от скуки товарищи, как ерзает от беспокойства доярка Хребтова. Векеня держится главного ориентира, как моряк в худую погоду компаса - первого секретаря райкома. Секретарь подстрижен под "ежик",

он любит глубокомысленно выворачивать белки глаз, стараясь при этом глубже зарыться в скрипящее кресло. Кивает секретарь "ежиком" - поднимай следующего, малют в блокноте - не гавкай под руку. Не Векеня, хитрая ведомость на выдачу хлеба.

- Хребтова, - Векеня поднимает доярку. Выдыхает так, будто откатил с дороги пятипудовый камень. - Ну, как понимаешь перестройку?

- Вы готовы взять на себя ношу тяжелее? - более понятливее спрашивает секретарь райкома.

- Уж столько нош я переносила, дак врагу не пожелаю!

- Августа Мефодьевна, речь идет про партийную ношу. Вот вы на ферме единственный коммунист. Вы агитатор, вы боец партии. О чем беседуете с доярками, как их нацеливаете на выполнение планов и обязательств? У вас есть единомышленники? Как вы понимаете линию партии на современном этапе? Верят вам люди?

Доярка раскрыла рот, беспомощно озирается по сторонам.

Пыхтит Векеня: что с глупой бабы возьмешь, одно знает - перебить соски, потому приходит на помощь:

- Она у нас, Иван Васильевич, член парткома, член профкома, товарищеского суда, депутат сельсовета, состоит в обществе трезвости, делегат партийной конференции.

- Вот это и есть ноша. Скажу честно - она порядочная!

Доярке лестно: на виду, полколхоза тянет и обидно: еще бы пожарника прилепали по совместительству.

- На производство, Августа Мефодьевна, мы должны оказывать партийное влияние через коммунистов, занятых непосредственно... Нынче, при разграничении хозяйственных и партийных функций... Мы будем вмешиваться в производство, когда на лицо перекос...

Измученную Хребтова Векеня посадил на место. Вроде, дура, поняла перестройку.

Хребтова посидела, отышалась, трясет рукой:

- Мне бы к коровам, корова должна отелиться.

- Иди, - разрешил Векеня.

- Не пойму? - кричит с места арендатор Резинин, по уличному Резинин.

- Если мы, коммунисты, не должны вмешиваться в хозяйственные дела, то чего тут бояримся? Смешно: партия отвечает за перестройку и партия не должна вмешиваться. Я эту идеологию не понимаю! А уж идеологического обеспечения и подавно! Время землю делить, скот, технику, а говорильню прикрыть! На черта

лысого мне нужен какой-то агитатор! Кому охота агитировать, особенно из области, дак бери земли кусок и агитируй!

Векеня неодобрительно покачал головой: дурак, хоть и член обкома. "Ладно, - подумал он, - ужо пускай первый его охолонет, а я добавлю".

- Товарищи!

Секретарь вышел к трибуне, "ежик" шевелится в разные стороны.

- От вас, коммунист Резинин, я не ожидал такого! Такие заявления - палки в колеса! Перестроечная теория... В вашей партийной организации сорок процентов пенсионеров. За два последних года вы не приняли ни одного товарища... Авторитет партийной организации крайне низок...

- Да тут от ума отстанешь! - перебивает секретаря Резинин.

- Одно отобрали, дак на другое навалились.

- Идеология - главное и основное направление работы...

Хихикает Векеня: шут гороховый. Будто он в Канаде живет. Так бы и постучал пальцем по башке: куда ты, балда, полез?

А секретарь штет и кроет. Некогда в зале спать, навостили уши.

Векеня штудирует заранее приготовленное постановление партийного собрания. Читать он мастак. Предложение скажет, как гирей придадит. Потому ему честь особая: председательствует при важном начальстве...

...Бабка Агафья достала из шкафа стакан с аккуратно нарезанными сухими хлебцами, отодвинула на окне занавеску. На улице была величавая ночь. Голубели поля, залитые лунным светом, на сколько хватает глаз спит поднебесный мир. В венчальной бахроме искрится заиндевелая черемуха перед самыми стеклами. Чуть балансируя на кончиках штакетин, правится кот Сидор по своим кошачьим владениям.

Высыпала на стол бобы, осенила крестом.

- Хлебец-кормилец, хлебец-поилец, скажи сущую правду, скажи не соври. Раскиньтесь, сорок один боб, в три головы; размечтесь, разбежитесь, везде побывайте, все повидайте, назад воротитесь, мне проскажите: про мир, про душу, про хлеб наш насыщенный. Колода поди прочь, радость - в руку. При пороге, при дороге, при ясной погоде, при ночке темной сердцу - покой, Богу - слава, миру - мир. Аминь... Кхе-хее, хорошо пошло, слава тебе истяннному. Не быть войне! А тут пустое, пелева наступротив; крутятся жернова без зерна, басня да и только... В тревоге душенька, в тревоге... В руке - голо, в голове - золото. Ой-ее, недород идет - через душу, через золото...

САФРОНИХА

Павла Сафроновна, левой рукой держась за поясницу, правой с трудом отодвинула из-под трубы наполненное водой ведро. Какие сутки ее иссохшее тело ломала хворь, в пору бы лежнем на кровати лежать, да вода кончилась. Проходивший мимо председатель колхоза Оладушкин остановился, поздоровался. Бабка сначала выпрямилась, опознала говорившего, потом вежливо поклонилась.

- Как живешь-то, Сафроновна?

- Бог милует.

Председатель достал сигареты, постучал пальцем по крышке портсигара. Виноват он был перед Сафронихой, дел повседневных по горло, а она со своими заботами просто из памяти выпала... Чувствовала и Павла Сафроновна, что чего-то не договаривает Николай Петрович. Подтянула отставленный в сторону батог - "лошадь", потолкла им лед вокруг стояка водозаборной колонки. Хотелось ей попросить Оладушкина привезти на дом медичку, та прописала бы каких-нибудь порошков. Смотришь, опять лихоманка отвалит, да удобно ли?

К колонке подошла, вихляя бедрами, молодка, изогнула на председателя выщипанную с синевой бровь.

- ЧАО, хозяин.

Крякнул в кулак Оладушкин, неловко ему стало от такого обращения. Залила лицо краска, сунул торопливо в рот сигарету и глубоко затянулся.

- Сегодня дров привезу, Сафроновна, - кончилась у председателя дипломатическая пауза.

- Возить, хозяин, надо работягам, - назидательно сказала молодка. - Ты сначала меня пилеными дровами обеспечь, потом одуванчикам пыжись.

- Ты... ты как смеешь?!

- Портки не стряси, вон как раздулся, - хохотнула прямо в лицо и Сафронихе:

- Ну-ка, божий ангелок, не держи очередь.

Сафрониха торопливо нащупала дужку ведра, уперлась батогом, но Оладушкин опередил, сам схватил ведро и понес. Что творилось в его доверчивой душе в эту минуту, какие горечи пылали, не высказать словами. Пугало он для нее, клоун. Но ведь как народ весь обидела в лице старухи!

- Проживу я, Николай Петрович, - едва поспевая за мужиком, пролепетала Сафрониха, - проживу... Ты навози ей...

- Чертка лысого!

“Эх, Сафониха, да стал бы я звать в колхоз перекати-поле, будь народ свой стоящий?” - горько подумал председатель. И то была святая правда. Нехватка рабочих рук заставляет выискивать людей на стороне, всякому прощелыге рад. Вот эта доит и лишь бы доила. Мало своих, истинных крестьян здешнего корня остается. Да и кто в медвежий угол, где бездорожье круглый год, из порядочных сунется. Вот и наглеют, живут - день к вечеру. Жадно деньги в получку хватают, а схватили, да быстрее из конторы, точно окрика вернуться ждут.

Хорошо в избе у Сафонихи, светло, опрятно, пахнет забытым летом, хлебосольной осенью. В стенах горит позолотой сосновый отлив. Оладушкин поставил ведро на стул, сам сел на другой. Глянул на фотокарточки в деревянной рамке, и начала из него уходить злость. Смотрит на него младший сын Сафонихи, Илюшка. Помнит его Оладушкин, мальцом был, а помнит. Да разве забудется тот год, что деревня осиротела без мужиков...

- Хорошо у тебя, Сафониха, спокойно.

Присела хозяйка за краешек стола, по привычке смахнула в горсть невидимые крошки со столешницы, опять попросила:

- Не хлопотал бы ты, Миколай Петрович, проживу. А не проживу, то и дай Бог, всем надоела.

- А вот это зря. Успеешь, належиши и там.

Вышел из избы Оладушкин. Проводила его глазами Сафониха, помолила добра-здоровья и пошла на кровать.

Давно она разучилась плакать. В ее белесых глазах не осталось слез: горючие, попадали они на колхозной работе да в своей избе длинными зимними ночами... Ох, как велик белый свет!

От самой матушки Москвы до города злого, Берлина, провели дорогу черную своими телами ее парни. Муж Иван до сих пор “без вести пропавший”. А может, в том ее вина есть? Ведь уходил добровольцем, она не отпускала, вгорячах пожелала невесту что...

Около обеда Сафониха принялась хлопотать с ужином. Оладушкина она знала, уж если сказал, то хоть камни с неба валились, а быть по-евонному. Предгронут мужики в лесу, наголодаются, одним “спасибом” не по-людски будет встречать.

С клубами морозного воздуха в избу вкатилась утренняя молодка, увидела на столе бутылку с водкой и из наглой, пренебрежительной особы превратилась в лису-патрикеевну.

- У нашей бабуси никак гости?

Сразу смекнула Сафониха, куда метит прохиндейка, и иско-

са сердито посмотрела на гостью.

- Да ты сердита? Ну будет, будет, с кем по дурости не бывает. Просто утром не поладила со своим бегемотом... Бабуся, баню топлю. Ведь была и ты молодая, резвилась, а? На мужиков то заглядывалась?..

- Нет у меня.

- А чего ты врешь, бабуся? Вот она стоит, сердцу утешение.

- На дело.

Молодка начала торговаться и канючить.

- Иди-ко ты, девка, подобру-поздорову, да забудь ко мне дорогу, - не сдержалась Сафрониха.

- Что мы слышим - немые заговорили... Даешь?

- Напишу куда следует, дак отвадят по старухам шастать.

Сафрониха проковыляла в кухню, схватила ухват и пошла в атаку.

- Уходи, змея!

- Не пожалей...

Отбив нашествие, Сафрониха стала одеваться. Душно, тяжело ей стало в избе. До чего дожили... на притужальник брать? Век жили с миром, сосед с соседом чтобы перемахнулся, а тут наехали... Встала Сафрониха против своей избы, запахнула потеплее полы суконного пиджака, оперлась на батог. "Был бы жив хоть один из наших мужиков, налетела бы ястребом на щипаного ворбя... хоть бы Мишка. Ох ты, крикнул бы, стерва эдакая... Да чего я плету, нешто Мишка так ругаться посмел... Егорушка, царство ему небесное, листочек выдавил в этой раме, так и стоит окно, бумажкой заклеенное..." Бегут перед матерью годы, весна с осенью путаются. Только успела одного с рук на пол опустить, как другой ножонками в животе толкается, один другого пригоже, один другого нагляднее. Все такие работные, по Ивану изладились, куда бы ни послали - вихрь да и только. Не поперечили, не избаловались, жить бы да детей нянчить... Будь ты проклята, война, во веки веков!

Непонятное хлопанье, как бельевой доской по столу, вывело старую из размышлений. Повернув голову, она увидела бегущего на лыжах девятиклассника Сашку, сына тракториста Антона Кичигина. Лыжник остановился, поправил за спиной ранец, сам будто снегирь на снегу, румяный да улыбчивый.

- Здравствуйте, Сафроновна!

- Здравствуй, здравствуй, дитятко!

- Каникулы начинаются, самое время поразмяться на дровищках. Когда прибежать-то?

- Обещался Миколай-то Петрович, уж как времечко выкроишь, дак не худо бы... А плонули бы все на меня, Олексан Антонович, одни хлопоты со мной.

- А вот это зря, - словами Оладушкина сказал школьник. Оттолкнулся, покатил лихо.

“Что кабы вас, мужиков, своих-то поболе оставалось. Свои они и есть свои, не набегные. Бьется Миколай, дома строит, а кого поджидает? Тыфу, оторви да брось...”

На вечеру Сафрониха не поверила своим глазам: три гусеничника, все в свете фар, что разъяренные драконы, один за другим заволакивали на ее улицу пачки дров. Она поспешила из избы, последнему загородила дорогу. Из кабины выскочил Антон Кичигин, крикнул, заглушая шум работающего двигателя:

- Не туда?

- Увози, увози, Антон Фролович, на беса мне столько.

- А-аа, - загремел тракторист, - не могу, Сафроновна, приказ самого Николая Петровича. Поберегись, время позднее.

“Ой, дурит, Миколай, ой, дурит... Нет бы к сушилкам дрова вез, али еще куда, будто я еще сто лет проживу... За двадцать верст машины гнать из-за старухи...”

Освободились тракторы от нош, выбежали на деревенскую улицу. Сошлись трактористы в кружок, приплелась к ним Сафрониха, стала звать к столу.

- Нельзя, Сафроновна, нельзя, - за всех ответил Кичигин, — отошла кату масленица. Законы нынче строгие, рюмка сто рублей тянет.

- Да Бог с вами. Намаелись, намерзлись ведь...

- Нельзя.

Уехали трактористы. Грустно стало Сафронихе. От мужиков пахло мужским духом, веяло былой деревенской силой, от них исходило тепло, прежнее, довоенное. Уж не сыновья ли ее милые ожили да пришли мать проведать? Нащупала в темноте комель березы, села на него и неожиданно для себя заплакала.

РУССКАЯ ИЗБА

В деревне верили и не верили слухам, что Васька Вихарев после службы в армии останется в родном колхозе. Мужики в разговорах качали головами, держались противоречивых мнений. Все знали Ваську как баламута, помнили про сводный гоп-ансамбль, что устроил он перед армией. Шлялась тогда капелла, увшанная гитарами, по деревням, наводя страх на бедных старушек. Но и такую черту, как истинное трудолюбие Васьки, тоже не забывали. В пору массовой заготовки сена, при остром недостатке рабочих рук, Васька на своем Т-25 работал сутками, вышел чуть не на первое место среди механизаторов района. Впрочем, кто знает современную молодежь, выросшую на дрожжах благополучия, в какую сторону ее бросит в своих идеях. Теперь, конечно, Васька не тот. Идет по улице в отутюженной матросской форме, приветливо здоровается со всеми, смотрит открыто, шутит с молодыми мужчинами. Даже зловредной сплетнице Анне успел помочь выкопать погребную яму.

Старое помнить - лучше не жить.

Как раньше невесту выбирали? Сначала критически оценивали мать невесты, ибо дочь лет через двадцать будет точно её копией. Станом баба крепка, лицом свежа, хозяйство правит, добро бережет, значит, ее дочь к нашему дому подходит. Так же и женихов оценивали - посмотри на отца. Вот и судили-рядили: коль Васька по отцу пойдет, то хват-мужик будет, а то, что отец крикун и под веселую голову мог лучшему дружку рожу своротить, в расчет не бралось. Со всякими людьми причуды случаются, годы возьмут свое.

Дней через десять все стало на круги своя: казенная одежда была бережно уложена в шкаф, а за широкое застолье были приглашены родные и близкие Вихревых.

- Дом, конечно, кхе-хее, завсегда свой не худо иметь, что и говорить, - начал дед Митрич. - А как вы, мужики, смотрите, если предложу поближе посмотреть на Ярасенков дом?

Сидевшие за столом гости посмотрели в сторону покрякивавшего старика и замолкли. Хоть и родня кругом, а за инициативу, бывает, и бьют крепко. Хорошо, когда все хорошо, а вдруг виновных искать придется? На кого перст падет?

- Да ну, - возразил зять, - в казенной квартире то ли дело, живи не тужи, тем более, председатель обещает...

- Помолчи, - наклоняясь к уху мужа, зашептала жена так, что все ее услышали. - С твоим характером все хозяйство - одна

кошка.

Зять налился спелым помидором до корней своих рыжих волос, метнул на жену непрощающий взгляд и уже больше до конца вечери молчал, опустив нос в пол.

- Нынче, понял, Нечерноземье силу заимело, - заговорил двоюродный брат отца, крутя из стороны в сторону круглой головой. - Целина, понял, выдохлась, а наши суглинки с голоду помереть не дадут. Ну, если я правильно понял, ты, Василий, решил остаться дома. Я, понял, приветствуя! Нас, Вихарят голыми руками не бери. Я к чему говорю, да если ты, Васюха, со всем умом собрался, да если решил тут жить, да разве мы откажем? Ты сам-то как нам ответишь?

- Вы вроде суда присяжных... Как решите, так и быть, что ли?
- смеясь, ответил Василий.

- Опять?! - одернул его отец. - Опять хошь гитару на шею вывесить? Ты эти фантифлюшки брось, мы не для того собрались, чтобы чепуху твою слушать. Присяжные... грамотен стал больно, а еще флот изучил. Ты что, всех нас в бычью печеньку не ставишь?

- Не гони коня кнутом, кхе-хее, гони овсом. Не кричи, Иван Петрович, соседей побудишь. Парень с умом собрался, можно и не нахрапом...

- А если он вишь чего вытворяет...

Думали, спорили, приводили и отводили свои мнения и выкладки, но когда в разговор вмешалась мать Васьки, сразу на горизонте сплошной облачности засинела отдушина.

- Не моего бабьего ума дело, только ведь я из Ярасёнкова дому. Бывает, подойду, обопрусь на стену, а слезы... как ... по покойнику бежат!.. Ревлю, мочи нет, может, мужики, не все еще иструхло-оо...

Общим мнением решили: Ярасенков дом капитально обследовать и вынести приговор обязательный для всех присутствующих.

Через день семейная комиссия приступила к делу. Подошли к старому дому, по привычке подивились на тонные закладные камни фундамента, посизмеряли кое-какие пропорции архитектуры и уселись на поваленный столб парадных ворот.

- Пилу в зубы да на дрова, - махнул рукой Васька в сторону дома. - Ткни топорищем - весь зауголок выпхнешь.

Отец неодобрительно посмотрел на сына, плонул и порывисто встал.

- Ткни! Я посмотрю, как ткнешь! Что сидишь?! Вали-вали, пе-

рехвати остирем хоть одно бревно, начиная со второго. А потом уж хватай пилу в зубы.

- Полно, Петрович, эко... кхе-хее... дело. Конешно, на топор попробовать не мешает. Ты, Васюха, кхе-хее, потюкай, может, и впрямь одна гниль.

Васька встал, посмотрел на доброго Митрича, плюнул в горсть и пошел пробовать крепость стен. Насмотрел бревно в третьем ряду, попримерился и с выдохом опустил топор. Гнилой бок бревна провалился чуть не до обуха, но со второго удара топор в глубь не пошел. Дом содрогнулся, отозвался гулом в пустых горницах, словно ребятишки пробежали босиком по половицам, и замер под скособенившейся крышей. Мужики не вытерпели, подошли к Ваське.

- Проткнул? - торжествующе спросил отец. - Пилу в зубы... Да этот лес тебя перестоит. Ты думаешь, сколько лет этим бревнам? Не знаешь? Я не знаю, а откуда тебе, шалапуту, знать. Так помни, что лет двести назад на этом месте кондовый сосняк был рублен, а ты сровнял ныняшнюю ропочагу со старинным гаревым лесом... Пилу в зубы... А ты видал, как зарубу чистят? То-то, сынок. Вы, молодые, хлесткие, нет у сушилки дров - ломай любую хоромину, а ведь кто ломает - тот не строил, не подержал в руках бревна...

- Это, Васюха, кхе-хее, точно, крепость дешева, что кость, ты посмотри, какие зарубы вымаханы?

Верных полтора часа обстукивали и обслушивали мужики дом, наконец, пришли к выводу: перекатить на новый подруб.

- Эка домина, Васюха, кхе-хее, баской дом будет. Говорят, прадед твой вон на том балконе чай гонял. В троицу вынарядится в белую рубаху, поставит четверть на стол и знай командует: молодуха!.. Песни горланит, попивает да покрякивает... Перекатать, опушить, Николе глухому узоры заказать срубить, да с петухами узоры... Только, кхе-хее, не модно на середку так нынче ставить. Надо вон туда, на край...

Митрич был в наилучшем настроении, он видел в возрождении дома свою навсегда ушедшую молодость. Ведь под этими окнами высыпистывал он красавицу Машку, царство ей небесное, под этими самыми стенами признавалась она, что свет не мил без него, Митьки Митькина.

- А может, сначала жениться? - предложил дядя Григорий, когда добрались до крыши. - Как ни говори, а невестина родня, глядишь, поможет, если с умом к делу...

- Пустое, Гришка, трезвонишь, - оборвал отец, - нам ли венъга-

нье слушать да из-за рубля торги вести?

- Не скажи, - возразил Григорий, - придет какая-то цаца да как в готовый лапоть ступит. Нет, пускай-ка хлебнет соленого, любее жить потом будет.

- Намокло, кхе-хее, черепа менять придется. Где такой лес подобрать? В аршин запас. Разве что на Побоищном логу...

- Да найдем, черт побери! Заросли лесом, а ты - о черепах.

Вечером, когда сумерки смешали чёткие линии деревни, отец и мать Васьки сидели перед телевизором и смотрели кинофильм "Горячий снег". В это время в коридоре затопалось и в избу ввалился председатель колхоза.

- Здорово дневали! - отдуваясь, сказал он.

- Мать, собери на стол, - вместо ответного приветствия распорядился Иван Петрович. Жена кинула вязанье и пошла в кухню.

- Не надо, друг сердешной, - тяжело молвил председатель, - я, годок, на пару минут заскочил.

- Да садись, садись, Фролович, - хозяин бойко подал стул. Не мог он без боли переносить одышку ровесника и всегда жалел, когда тот через силу выполнял какую-либо физическую работу.

- Нет бы отдохнуть, навроде нас, так надо везде успеть.

- По делу, друг сердешной... Уф.. Так, говоришь, Ярасенков дом перекатать собирались?

- Да какого ты черта стоишь, будто истукан в картинной выставке! - рявкнул на стоящую среди комнаты жену Иван Петрович.

- В лесу тебе жить, с медведями! - в тон парировала жена, однако заспешила в кухню.

- Ладно, не кричи, друг сердешной, говори о деле, чего да как...

- устало махнул рукой председатель.

- Ну, коли так, давай, о деле. Людей надобно человек шесть, Митрича на уставы поставим, да зять поможет... Потом трактор нужен на три-четыре дня, потом...

- Потом суп с котом, это не разговор, друг сердешной. Где Васька-то? Эй, Василий! Вылезай из своей берлоги да к нам садись.

Васька вышел из горницы с книжкой в руках, и сел на диван.

- Трактор Генахин берешь? - без всяких вводных в упор спросил председатель.

Васька оглянулся на отца и кивнул, соглашаясь.

- Вот, друг сердешной, с этого начинать надо, а потом хоть месяц его используй, слова не скажу. - Председатель вытащил из кармана платок и начал усердно вытирать потное лицо. - По

решению правления тридцать кубов лесу бери, только сам знаешь, короед подпортил. Если своим обойдешься - расходы оплатим. Так... Шифер бери, сколько надо, но весной через райсоюз возмести. Кирпич - пожалуйста, тысячи две дадим... Ты, друг сердешной, сам понимаешь, из-за чего я на уступки иду: не пустить нам домик хоть и обещал я жилье, так что, давай, чем можем, поможем. Только рабсилу не бери без бригадира, а то коровы голодные останутся. Ведь если свистнуть всю родню... Денег, говоришь, не надо?

Пока обсуждали калькуляцию работ и обеспеченность материалом, на кухне забулькал и засвистел чайник.

- Мать! - опять рявкнул отец. - Оглохла?

- Ух, некрещеной! Знать бы наперед, дак век бы за дьявола не пошла!

- Ха-хаа-а! - заржал Васька. - Вот у нас мичман, бывало, рявкал, это да. Как саданет с мостика, так кто slab naturoy, бегом в кубрик...

- Хватит скалить зубы, - оборвал отец. - Посмотрю, как дней через десяток завеселишь, когда соленым дождем до хребта пропахнешь.

- Ничего, вытянем, - беспечно ответил сын.

- Правильно, чего раньше срока умирать? - поддержал Ваську председатель. - Глаза пугаются, руки делают. И ты, Васька, не трусь. Имей голову на плечах, за остальным дело не станет.

Лиха беда начало. Главное - решиться, а там - начатое дело уже не остановится. Хватит стоять кровному дому пугалом посреди деревни, а то даже в лунные ночи, когда березы, черемухи, амбары и бани сливаются в сплошную тень, когда все живое погружается в дремотный сон, - стоит он одиноким громадиной-сторожем нелепо и неказисто, своей мрачной дремотою наводя страх на редкого прохожего. А в свинцовую осеннюю пору свисит разбойник-ветер в пустых глазницах окон, шелестит в вышине последними листьями выросшая на остатках желоба березка, да что-то скрипит внизу дома, у самой гречной земли...

ИВАНИХА

1

В километре от деревни Иванихи муравьиным поскаком поднимался дом. Когда-то до колхозов на этом углоре стоял сицевый хутор. Иваниху и хутор разделяла речка Петровка - петух перебредет. Хуторян мужиков перебили на войне, бабы с ребятишками разбрелись по белу свету. Постройки частично сгнили, частично сгорели от детской шалости. Дом строил плечистый, полный, постоянно небритый мужчина в поношенной, местами порванной одежде, жители Иванихи видели его раз в неделю, он покупал рожки и консервы. Бабы шушукались, смелые высматривали, что же за повинность такую отбывает здесь мужик, да какого он роду-племени, только строитель или ничего не говорил, или говорил мало, шевелил бровями да улыбался.

Одни жалели, недвусмысленно покручивая пальцем у виска, другие подозрительно наблюдали, как мужчина достает из толстенного кошеля неловкими пальцами деньги. Бабы уважительно говорили о нем, как о небывалом труженике. Еще бы, этот упрямый бык как впряжен летом в упряжку, так без всяких выходных и праздников тащит свою ношу. Допоздна на хуторе горит костер, рисуя в небе отблески пламени. Бабы судачили: такого бы работника да в хорошие руки... в бане отмыть, лаской одарить, да он бы... А свои мерины только бы языком мололи да водку жрали, кто-то бы из своих стал в собачью стужу варзаться с бревнами.

Жизнь была так бедна в Иванихе, что жители нарочно ездили в райцентр, лишь бы побродить по магазинам, подивиться, как в музее, на заграничные товары, еще больше подивиться ценами. В райцентре проживает много выходцев из Иванихи, что ни встреча, то воспоминания да новости.

У ивановцев особая метка, они навечно клеймены прозвищем "шептуны". Ходит байка, будто жадный ивановец хлопнул по рукам с веселым купцом, что отпустит сорок шептунов за одного жеребенка. Пари он выиграл, а потомки нажили позор. Находятся и нынче веселые мужики, едва услышат, что в разговоре упоминается деревня Иваниха, как подковырнут ненароком: "Жеребенка цыганам не променяли?.."

Иваниха сродни поросьячemu корыту: летом - это непроезжее болото, зимой - медвежья берлога. До колхозов на два-три хозяйства приходился один колодец. Нынче разве что дед Васьки Грузды укажет места, где брали чистую, как слеза, водичку.

Все пошло прахом - пьем воду из речки, дуем с отвращением, но пьем. Под самой деревней стоит скотный двор, мало ли добра плывет от него по берегу реки...

Смеркалось. Строитель с хутора стоял в магазине, уткнувшись лбом в переплет рамы. У него было угрюмое, сосредоточенное лицо, как будто он старался что-то вспомнить, но тщетно, и потому сердился. Сыпал мелкий снег. Из окна он видел контуру колхоза, выходящих людей, возле вмурованной в землю каменной стелы с именами лучших колхозников, играли две собаки. На пустынной улице стоял гусеничный трактор, синий дымок поднимался над выхлопной трубой. Сзади послышался вздох. Строитель оглянулся, в свете слабой электролампочки увидел прижавшуюся спиной к печке продавца Наталью. Это была высокая, некрасивая бледная женщина.

- Закрывать время? - спросил строитель.

- Три месяца здесь живешь, хотя бы сказал, как зовут тебя, - сказала продавец.

Строитель переступил с ноги на ногу, ответил:

- Игорь. Игорь Павлович.

Уходить из тепла не хотелось, его никто не ждал. Впереди была ночь, длинная ночь в промерзшем вагончике. В груди его шевельнулось радостное молодое чувство, которое он испытал десять лет назад. Не стараясь объяснить себе, что же с ним происходит, довольный и приятно взъявленный он подошел к печке, приложил к кирпичам ладони. Женщина чуть посторонилась, в лице ее промелькнуло сожаление от начатого разговора, но мужчина смотрел так искренне, что она успокоилась.

- Дров мало? - спросил строитель, изучая лицо Натальи.

- Откуда... пособираю ящиков старых, да так... поговорю тому же Ваське Груздю, а он хмыкнет, да и шапку в охапку... ты-то как поживаешь, Игорь Павлович?

- Как все.

- Все, - горько усмехнулась продавщица, - нынче всем до все-го... Народ совсем озверел. После войны, бабы сказывают, куда лучшие жили, а ведь чуть не за колючей проволокой маялись.

- Плохо за проволокой, - сказал строитель, спохватился, отшел от печки.

- До свидания.

"Кремень мужик," - подумала Наталья. Встала к окну на место строителя, проводила взглядом удаляющуюся фигуру. "Чем-то на моего Никиту похож, только мой Никита слабак, мягкохарактерный... Это кто же на деревне шарашится? Гли-ко, скор на по-

мине. Где же сегодня ты кантовался, горе мое луковое..." По длинной деревенской улице правил Никита Попадьин, месяц как безработный, три года как разведенный. Кое-как дошел до колхозной конторы, привалился плечом к ограде. "Горбатого могила исправит, это уж не нами сказано, - мысленно обругала Никиту Наталья. - Чтобы ты одумался вовремя, чтобы ты открыл от себя пропойц вроде Митьки Паразита..."

2

Никита Попадьин смотрел в зеркало на свою мятую физиономию. Вид был "нетоварный": левая скула выпирала вбок, хотя правая розовела сильнее левой, щербатый рот и перепаханное морщинами лицо... тыфу, краше в гроб кладут. "Прошла жизнь, как и не жил... а разве я жил? - подумал он, опущая сильное сердцебиение. - Врезать бы по морде тому, в зеркале..."

Окна стали заметно бледнеть - начинался день. Никита влез в лежащую на диване шубу, лег, закрыл глаза. Подойти бы к окну и отодвинуть занавески, услышать человеческую речь, но не было сил: вчера он переборщил с выпивкой. Но причина уважительная: шестьдесят лет стукнуло шоферу Косареву, теперь хоть пенсия у человека будет... В дверь кто-то начал бесцеремонно толкаться. Никита не пошел открывать, полагая, что гость уберется вовсю. Однако гость оказался настырным. Он притащил к окну скамейку, увидел стоящего посреди избы хозяина, закричал:

- Попадья, оглох, что ли?

Визитером был Митька Паразит, высокий, узкоплечий мужик с кустиком рыжих волос вместо бороды. Митьке сорок два года, ни жены, ни детей, ни кола, ни двора.

- Попадья, у тебя лиса капкан волочит!

"Зараза! - звился Никита на кошку. - Крыса черта с два, а эта дура третий раз сидит!" Не хотелось открывать дверь, а пришлось. Митька Паразит матерился, пытаясь высвободить кошку лапу.

- Охотничек! Еще бы на печке капкан поставил, - съязвил Митька.

В избе Митька кинул под порог засаленную фуфайку, на нее бережно положил шапку, пальцами причесал волосы и по-хозяйски прошел за стол. Никита же сразу лег на диван и отвернулся к стене.

- Чердак трещит? А хорошо вчера посидели... Может, дойдем до Косарева, а?

- Ну и иди, чего ко мне притащился, - буркнул Никита.

- Как никак, мы с тобой работяги, не какие-то Васьки Грузди.

- Ты хоть один рубль заработал? - повернулся на диване Никита.

- И как только я терплю, - изумился Митька. - Ты-то чем лучше?

Никита встал, притащил Митькины пожитки:

- Выматывайся!

- Ладно, хотел новость сказать, а фига два скажу...

- Говори да поскорее.

- Ну вот, а ты толкаешься... этот композитор с хутора к Груздю пошел. Бают, денег у него - вол

- А мне что до его денег?

- А то, что он липнет к твоей Наталье.

Митька с интересом наблюдал за реакцией Никиты.

- Все рассказал? А теперь выметайся.

- Дай хоть пару картошин, отощал весь.

- К Ваське иди, он парень богатый.

“Деньжонок у меня в обрез... эх, Наталья, Наталья, хоть ты мне, непутевому, через баб хлеб посылаешь...”

Сплетня Митьки его задела. Одно дело, если она живет сама по себе, другое, если появится чужой мужик... У дома Васьки Груздя Никита увидел Митьку Паразита, тот что-то заискивающе доказывал высокомерному и холодному Груздю. Груздь попыхивал сигареткой. Увидев Никиту, Митька бросил обработку Груздя и припустил к нему.

- Куда? - стреляя бесцветными глазами, спросил Никита.

- В союз печать дерымо качать, пойдешь?..

Летнюю полевую дорогу меряют километрами, а зимнюю, да еще ночную, шагами.

Кажется, будто плывешь по забитому снегом туннелю, чисто на небе - на душе легко, как ни пошетляешь - дорогу найдешь, темно - муторно. Этот туннель пробил бульдозер, и держаться ему до первой буторы. Поднимется в поле лихоманка, зауллюкает на все лады нечисть и прощай торный путь.

“И как он только ходит, - подумал Никита о строителе, - хоть бы лыжи нашел, чудак”. Строитель в это время сидел перед костерком, блаженно вытянув к огню ноги и закрыв глаза. В котелке пузырилась каша. Когда-то он сгорел, как мотылек над пламенем. Десять лет назад он, окончивший ВУЗ с красным дипломом, начал работать преподавателем техникума. Парни из его группы изнасиловали петушиную взъерошенную девчонку. У девчонки в деревне осталась мать с кучей малолетних братьев и пьяница-отец. Он пожалел и парней, и девчонку, которая хотела

вскрыть себе вены, он свалил такого дурака, такого... принес в больницу заявление о браке и скомандовал: подпиши!

Он стерпел бы все, если бы жена не оказалась настоящей тварью. Не прошло и месяца, как она пошла на танцы, те же парни-насильники целовали ее прямо под окнами его квартиры...

И он ушел...

Строителя Никита Попадьин увидел сразу, как только обогнул штабель пиловочника. Тот сидел на чурке и помешивал палочкой в котелке. На скрип шагов Никиты он повернул голову.

- Будь здоров, - сказал Никита.

- И ты будь, - ответил строитель.

Никита вывернулся из снега чурку, охлопал рукавицами, присел к огню.

- Не климатно строиться?

Строитель зачерпнул горсть снега, вычистил ложку, отрезал от буханки ломоть хлеба и принялся есть.

- У нас прошлые годы карпы дома строили, как начнут гулять - подавай сырое и пареное... да-а, а ты широко размахнулся. Неужто осилишь?

- Ты по делу или так? - спросил строитель.

- Вчера мужика одного на пенсию проводили, сегодня, сам понимаешь, башка трещит...

- Нашел кабак, - хмыкнул строитель.

- А в деревне говорят...

- Кур доят.

Разговор озлил Никиту и, сам того не ожидая, он полез в занозу.

- А ты чего тут строиться решил?

- Тебя не спросил.

- Не мешало бы! Народ может и от ворот поворот выписать!

Строитель тряхнул головой, как укушенная лошадь, пробурил Никиту глазами. Облизал ложку. У Никиты мелькнула мысль, что наговорил лишнего и пора бежать, но положение хозяина здешних мест удерживало.

- Стало быть, есть претензии?

Строитель сел на свое место и продолжил еду. Никита присел в себя, выбил из носа красные сопли.

- Чего еще надо? - спросил строитель, не глядя на Никиту.

Сдерживая негодование, Никита ответил:

- Дай, думаю, посмотрю...

- Посмотрел?

- Посмотрел.

- Значит, сваливай.

Попадьин, как приговоренный к расстрелу, втянул голову в плечи, пошел в свою сторону, спиной чувствуя взгляд строителя. "Хорошо опохмелил... какой же черт я приходил? Натыкал, как котенка, и выкинул!"

Тут Никита решительно развернулся и подошел к строителю.

- Тебе помощник нужен?

Строитель перестал жевать, поставил котелок, достал портсигар.

- Помощник, говоришь? А кроме как водку жрать, чего-нибудь можешь? Насмотрелся на вас, работничков... ладно, считай на работу принят. До первой выпивки, и работать столько, сколько я. Платить буду два председательских оклада. Идет?

- Согласен, - ответил Никита, чувствуя уважение к этому незнакомому мужику, минуту назад пустившему ему кровь.

3

Митька Паразит был оскорблен до глубины души. Попадья, верный Попадья, нанялся к какому-то дураку! Недели нет, как батрачит, а уже глумится над мужиками.

- Теперь я понял, почему у нас все не так: нет твердой руки! Да нас всех через молотилку пропустить надо! Так супонь затянут, чтобы хомут калачом плечи натирал. Ведь ты посмотри, до какой степени докатились, лодырь на тунеядце стал, а хотим жить хорошо...

- Ладно, ладно, - оборвал Митька, - храбер стал. Раскудахтаясь. Да выгонит он тебя, провалиться мне на этом месте. Большую работу обвалите, он тебя обратно к лодырям да тунеядцам и выпрет.

- Выгонит - три литра за мной.

Митька везде трезвонит, что Попадья сошел с ума и продал свободу за кусок хлеба.

- Видано ли, - ораторствовал в магазине, - приезжают какие-то урки с мыльного завода, а наши мужики в услужение кинулись!

В магазине находилось с десяток женщин. Были они какие-то утомленные и сонные. Может быть, от того, что за окном мела поземка и переживаемое природой состояние отразилось на них, или в их кошельках денег осталось разве на рождественскую елку.

- Собака блошная, бегаешь да вшей трясеешь, - с неприязнью сказала Наталья.

Кто-то из баб засмеялся:

- У них вся родовая такая. Бабка, бывало, сегодня сбондит вешицу, а завтра вора ищет.

Вспотел Митька. Думал он посыпать соли на прилавок Натальи за то, что отказалась принимать посуду, а выкупали его в соляном растворе. Плюнул Митька на печку и пошел прочь.

4

Где-то за Иванихой воздух густел, а на переломе угора свирепел и ярился, рассыпаясь на ровном месте тысячами табунящихся бурунчиков.

Дом выгнали до потолка, теперь можно было присесть за стеною и покурить, подуть в озябшие кулаки.

- Подача не летняя, - сказал Никита.

- Не летняя. До лета хорошо бы под крышу забраться.

- Тю, а чего тут забираться? Пара недель - и охлопень кинем.

- Нездоровится мне... сам говоришь, тихое на ходкое наводит.

- Ну, Павлович, не раскисай. Раскиснешь - хана. У нас хотят несколько коровенок прирезать да мясо в Вологду везти, надо народ рассчитать. С августа ведь бесплатно вкалывают мужики.

- Коров вырежут, а потом что?

- Что Бог даст. Ты вот строишь, а зачем? В деревнях остались те, кому деться некуда, теперь уж точно крестьянство ликвидируют как класс. Все живем и не живем, будто хороним близкого человека. Могильщики покопают да покурят, покопают да покурят, а мы все стоим и ждем. Пока скороним, еще несколько упадет в могилу...

- Зря паникуешь. Чтобы в тепле жить, надо холодом закалиться.

- Кругом, Павлович, такое творится... раньше чуть что сразу стружку снимут... Если бы меня в узде держать, Наталья бы не ушла...

- Скучаешь?

- Не так что очень... стержень какой-то из нас вынули, столкнули в воду и смеются: этот выплынет или потонет?

- Так и должно быть, Никита Петрович!

5

Деревенские при встрече с Никитой Попадиным почему-то старались поскорее разминуться и исчезнуть. Даже председатель, мужчина грубый, страдающий одышкой, виновато потупился:

- Там бабы считают по концу года, загляни.

Никита знал, что на его земельный пай идет ноль целых семь десятых, на денежный и того больше. "Рубахи полосовали на сбиваниях, чуть друг дружке кровь не пустили, а что пай, что ваучеры, одна едрина мать!"

Митька Паразит плелся деревней к себе в берлогу. Все было погружено в сон, тихий, глубокий. Ночь была лунная, звезды с умилением баюкали землю, ангельская тишина распростерлась над всей окружой. До самого горизонта светло как днем. В такую пору чистая душа не позволяет нечистым помыслам творить зло. Митька был далек от библейских заветов. Слякоть, колючий ветер, свистопляска - вот его музыканты. В дрянную погоду он не прочь утянуть то, что плохо лежит. Сегодня он брел холодный и голодный. Каждый день он обходит по привычке злачные места, наведывается к сердобольным старушкам - пусто, нигде не пьют и его не ждут. Даже никто, как назло, не умрет! Мужики стали злые, потерянные, целыми днями хлещутся в гараже в карты. Нет топлива, нет запчастей, нет работы, нет спросу на их силу... Митька завернулся на телятник. Телятница, маленькая, чуть глу- поватая бабенка, недели три как перебравшаяся из "голодного" колхоза в "сытый", впервые увидела ввалившееся к ней пугало. Она заметалась, схватила вилы на изготовку и прижалась к углу. Ее аж запотряхивало от страха. Митька набил карманы фуражом, прямо из ведра напился обрата. Едва за Митькой закрылась дверь, как женщина стремглав выскочила из укрытия, принялась запутывать вход веревками. "Уф, - прия в себя, подумала она, - царица небесная, чтобы я еще зашла на этот проклятый телятник!"

Митька был спасен: из фуражка он сварит немудрящую поклебку, глядишь, и уснет без снов и сновидений. Три вечера он насся около свинарника, намереваясь добыть маленького поросенка. Не удалось: свинарка стала привязывать к дверям собачку, а окна телятника муж намертво забил досками. Митька брел и ругал на чем свет стоит Никиту Попадынина. Митька "снимал номер" в заброшенной баньке, мыши и крысы нагрызли под стеклами дыр. В "номере" постоянно сквозило, трофейная одежда не держала тепло.

За избой Васьки Груздя что-то подозрительно звякнуло. Митька разом остановился, повел носом. Было слышно, как в амбаре перетаскивают ящики с места на место. Он почуял недоброе: кто же станет ночью творить хорошее? Рысцой припустил к амбару, замер. В амбаре ходил сам Груздь, под тяжестью тела прогибались половицы.

Послышался приглушенный голос жены:

- Обломиши, на другой край давай.
- Крюк батько вбивал, не колхозный бухгалтер.
- Что-то упало, женщина ойкнула. Груздь перематерился.
- Еще бы сам влез, - застонала жена.
- Кричи на всю деревню, как шальная наша учительница....

пошли.

Митька постоял, ничего не выстоял и пошел бодрым шагом прочь. На следующий день он с утра пораньше поджидал Ваську Груздя. Васька вышел из дома, оглядел деревню, Митьку как не заметил. Митька сам подошел, нутром ощущая поживу.

- Как живем поживаем, добро наживаем?
- Пошел в баню.
- Хаах-ха, не в бровь, а в глаз. Как живешь-то?
- Тебе стрижка выписать? Соловушка...
- Зря, Вася, недооцениваешь, я ведь все знаю! - визгливо выкрикнул Митька, петухом выгибая грудь.
- Разве кто сомневается? - усмехнулся Груздь.
- А ты чего в амбаре с бабой своей делал?

У Васьки Груздя покраснело не только лицо, но и оттопыренные уши. Он слглотнул слюну и вдруг весь сник и промямлил:

- Не сказывай никому, а?
- Бутылка, нет две, две бутылки спирту!
- Твоя взяла: вечером приходи.

Счастливый и довольный, а, главное, видевший смятение Васьки Груздя, Митька шел, насвистывая, по деревне. Его путь лежал за пять километров, в Юрьевской бригаде сегодня будут резать коров. Немного погодя Митька уже сожалел, что запросил две мензурки, надо было три или пять! Сегодня ему решительно везло. Ему досталось две коровьих головы, четыре ноги и печенька. Печеньку он съел полусырой, не мог дождаться, когда та упреет.

Вечером Васька Груздь на крыльце пихнул Митьке две бутылки.

- В расчете?
- Потом, Вася, я попрошу еще...
- А ну катись!

Утром Груздь остановил идущего на хутор Никиту Попадьина.

- Ну как спиртик? - показывая два ряда ровных зубов, спросил Васька.
- Не понял.

- Будто с Паразитом не пил.

Никита развел руками.

- Я ему сучке две бутылки знаешь чего дал? Дедко в них мочится. Дай, думаю, угоржу Митьку...

На хохотавшись, Васька поведал, как вчера они убирали с бабой в амбар мясо, а Паразит невесть что подумал.

Минула зима с морозами и снегом, в полную силушку разбежалось половодье. На хуторе прибавилось построек - мужики срубили двор и баню, Игорь Павлович с час парился, и был счастлив как никогда.

- Ну, Павлович, еще женить бы тебя и - точка.

- Жениться пока обождем...

По деревне прошел слух: у Ванюшки Попадьина отправка в армию. Разволновался Никита, на лице засветилась улыбка, ожил, посвежел, как очухался от кошмарного сна.

- Сын - это хорошо, - сказал Игорь Павлович. - В тебя изладился?

- Хвала небесам! - в мать. Благодарен я Богу, так благодарен... и характер покладистый, и не пакостник, работяга... одно жаль, худо я им с Натальей помогал.

К Никите пришла Наталья, села на краешек скамейки, осмотрела избу.

- Все так же... давненько я не бывала. Ваню в армию забирают, надо бы проводить честь честью.

- О чем говоришь, Наталья? - с тревогой и изумлением ответил Никита, не выдержал, пал перед бывшей женой на колени. - Прости.

Обхватила Наталья его голову, прижала к себе, заплакала:

- Чтобы таким всю жизнь был, Никитушка...

Пошла домой, а встречные бабы, как чувствуют, шепчут:

- Дай-то Бог, дай-то Бог...

Побежал Никита искать Митьку Паразита, чтобы поделиться радостной вестью, нашел бывшего собутыльника мертвым. С неделю как окочурился Митька, подванивать начал. Сообщил Ваське Груздю.

- Ну и что, как жил, так и сдох.

- Человек все же, не скотина какая-нибудь...

- Вот и хорони своего человека, чего привязался?

Сбили Никита с Игорем Павловичем гроб, с трудом по бездорожью вынесли на кладбище. Опустили в могилу, постояли, взялись за лопаты...

«ОБЧИНА»

Где-то вверху в эти минуты ослепительно сверкает солнце, в самом поднебесье плывет - не торопится серебристый, точно игрушечный, самолетик, оставляя после себя пушистый след, а здесь, внизу, пахнет смолой столетних елей, прелым папоротником и глиной, красной, взрытой гусеницами глиной. Там, наверху, еще и незаметно, что день пошел к вечеру, а внизу вот-вот засинеют сумерки.

По лесной разъезженной дороге спешит гусеничный трактор с большим возом полусухого сена. Дребезжит, вибрирует застывшийся воздух от работающего на больших оборотах двигателя, срываются тугие пачки выстрелов от постоянной перегазовки кланяющегося каждой яморине трактора. Воз причесывают с обеих сторон разросшиеся еловые лапы, как младенца, передают его из рук в руки.

В кабине паутов, как пчелиный рой. Сидящий на пассажирском сидении Михаил Одинцов, матерясь, с усердием давит их на лобовом стекле.

- Кончи, кому говорю! - кричит, наклоняясь к нему, тракторист Крюкин. - Навозил кровищи! Протри кепкой. Чего рот развел? Въедренюсь в елку - от самого мокре место останется.

Одинцов виновато улыбается, скривив немного рот набок, вытянутое лицо делается простовато-глупым: дескать, прости, не подумал, вроде для пользы дела старался.

Но эта простота обманчива. Улыбается виновато, а в душе от злости камни-валуны заворочались. Послушно обтирает кепкой стекло и мысленно корешит Крюкина по чем зря: если за рычагами сидит, так и орать можно на человека?

И не робок Мишка Одинцов, только черная зависть сдерживает порывы. Дергает для важности своим длинным в щербинах носом - такая уж у него привычка - и копит в своей душе темную обиду. Если, к примеру, справляют у соседей именины, то весь вечер места себе не находит. Не потому, что его не позвали, - наплевать на приглашение, одни растраты через эти подарки, а вот почему продавец, вечно сущая из-под прилавка родственникам и знакомым товар, - там, почему зоотехник с мужем пришла, почему все, стоящие на ключевых должностях, сегодня у соседей веселятся?..

Но настояще испытание для этого человека - день получки. Как назло, его фамилия в списке платежных ведомостей после однофамильца Александра Одинцова. Стоит Михаил за Алек-

сандром, дышит в чугунную шею коренастого крепыша, а самому так и хочется плюнуть на нее и крикнуть: "Ну, получай, получай свои четыреста, змей подколодной! Не у всех рука-владыка, сколько прижму, столько и напишу!.. Да, умеют жить люди, ох, умеют! Хитер, подлюга, пристроился около мастерской, околачивает одним местом груши, и ветром не бьет. Ништо, придет время, поклонитесь и нам..."

Вот ведь как с иным человеком бывает: куда ни сунется, везде яма. Впрочем, Михаил соваться много не стал. Попробовал себя бухгалтером - не хочу за копейки чужие рубли считать, когда другие сотни ограбают. Выучился на тракториста, и снова прострел - год отмусолил кое-как, а потом по докладной бригадира с трактора сняли: ходи на разные работы, раз о рубле прежде печешься, а потом о деле думаешь. С тех пор девятнадцатый год Одинцов рядовой. Живет по принципу: что поделалось, то и ладно. Ладно-то ладно, а обида по сей день...

Прикачали к дому Михаила, свалили сено на озадках, у бани, где годами стоят копны. Тут Одинцов начал уговаривать Крюкина: мол, зайдем да зайдем, чайку по кружке пропустим. Смотрит добродушно, что грех отказать, весь к твоим услугам. Зашли. Попили чайку. К чайку нашлось и по стопке, Крюкин уже успел пропустить сегодня две соточки, но, считая, что третья не повредит, опрокинул и ее. Не успел пустой стакан поставить, как хозяин снова наливает.

- Нет, - запротестовал тракторист, - ты за столом и сено дома, а мне еще две ходки делать.

- Ну, Михайлович, по одной-то еще? Как говорится, чтобы пилось да елось да того хотелось, а работка на ум не шла!

- Сказано, нет, так соображай! - отрезал Крюкин, жуя ломоть сала.

Уже расставаясь, Одинцов все же сунул в инструментальный ящик поллитровку: знал слабость Крюкина, и надеялся в душе, авось завезет рюмочка, куда надо. И очень бы неплохо, если б сено, присчитывающееся Крюкиным и Митьке Лазареву, осталось на ночь на наволоке. Вот смех-то будет! Трактор под задницей, а свое сено сгноил.

Выехал Крюкин за деревню. Проводил его недобрый взглядом Одинцов, плюнул вслед и пошел складывать привезенное сено. За ночью, как за рекой, не дай Бог, на дождь повернет, а в куче и согреться может. Время еще есть, долго ли на островья в зарод окидать? Завтра часок хорошей погоды и, смотришь, мать с женой да ребятами пересушат. Дома оно и есть дома. А Крюкин

пусть возит, у него, говорят, корова всякое ест, вся в хозяйку.

“После Ильина дня роса за кустом не обсыхает”, - говорят в народе. Обсыхает роса или нет, только скотине знать это ни к чему, зимой им сенцо подавай не какое-нибудь почерневшее, с душком и пылью, а с листочками, зелененькое, со всем набором ароматных соцветий, скошенное июльской ночью и сметанное на вечеру.

“Обчину” косили все. Косила жена Крюкина, Татьяна, добротно скроенная на длинную жизнь веселуха, усердно махал косовищем ветеринар Пашка Зубакин, поминутно всаживая носок косы то в коч, то в деревицу; косил, тяжело ворочая одутловатым лицом, бригадир Зиновий Иванович. Крюкин отговаривал жену: нехорошо, мол, раз уж решили на правлении по человеку с хозяйства, так нечего двоим косить, наперекор идти. Но жена решила по-своему: я - доярка, ты - тракторист, а коснули хоть с окапочку до этого? Нет. Вот и нечего роптать штатским. А “штатские” на ее языке - пенсионеры, которые обязались помочь колхозу в сенокосе, заявляли: пускай теперь другие потеют, мы свое отробили, а на “обчину” прибежали первыми. Явились и такие, как сосед Крюкиных, колхозный электрик Митька Лазарев. Еще полмесяца назад, в разгар сенокоса при острой нехватке рабочих рук, он часами вылеживал в одних плавках на раскладушке около обросшей черемухами бани, бил надоедавших мух на впалом пузе да прикидывал, когда в этом году объявят “обчину” и объявят ли вообще.

Косил председатель колхоза, часто вытирая блестевшую лысину снятой майкой; не разучились водить косой и колхозные спецы. Понятное дело, на “обчину” никого уговаривать не надо, - сходи, ради Бога, покоси денек - тут что накосишь, все твое. Через эту самую “обчину” прошлый год едва дотянули до зеленої травы. С коровами еще ничего, до хвоста, считай, в соломе всю зиму стояли, а с малыми телятами хоть реви, сам в кормушку не ляжешь. Пришлось у запасливого Михаила Одинцова в тридорога покупать. А кто же виноват? Председатель, не твоя ли лысина была повинна?

А ведь как складно выходило: пристали правленцы, выдели да выдели два денька на “обчину”, сам видишь, год плохой, без корму своя скотина в зиму пойдет.

“Разреши, уж мы потом наверстаем!” - горячо заверяли все. Наверстали... Вместо двух разрешенных десять дней вся техника только тем и занималась, что днем и ночью везла и везла сено к домам колхозников. Дело дошло до сущего грабежа, никакие

уговоры не помогали. Сорвался сев озимых, и, конечно, остался невыполненным план по заготовке кормов для общественного стада.

Как тогда крыло их районное руководство, не подбирая выражений! Даже теперь, почти через год, председатель чувствует крепкие, что удары хлыста, слова. После такой бани в этом году решили на общем собрании: "Кто где настогует - там пускай сено и стоит, легче заприходовать, а кто домой привезет - лишить всех доплат". И что же? Роптали, но сто двадцать процентов дали, а сенное звено заготовило кормов вдвое больше прошлогоднего. И вот, наконец, разрешили "общину", думая извлечь двойную выгоду: наволоки остались самые сырье и с невысоким травостоем золотистого отлива, оставь их нескошенными и на другой год, поднимется ивняк да багула, израстет хорошая трава.

Предпоследний воз по жребию выпадал Митьке Лазареву. Чье сено было уже свожено, покинули наволок, остались грузить сам Митька да Татьяна Крюкина. Крюкин с Митькой кидали в телегу, Татьяна утаптывала. Видел Крюкин беломраморные ноги жены и досадовал, что видит их и Митька. "Не могла штаны надеть, - кидая тяжелые навильники, чертыхался Крюкин. - А этому мордовороту только бы глазеть".

Воз увязали под прижим, и Татьяна начала неловко съезжать на руки мужа, ухая и смеясь. Платье с синей сорочкой задралось, обнажая крепкие бедра, обтянутые белыми трусами. Митька загоготал. Крюкин одной рукой ловил женины ноги, второй, на лету поправляя платье.

"Совсем у стервы стыда нет!" - ожгло Крюкина. Но здравый смысл заслонил секундное раздражение: а как еще ей слезать прикажешь? Или свои штаны подавать?

Татьяна поправила платье и, как ни в чем не бывало, заторопилась:

- Ты давай, Вася, поезжай. Засветло надо успеть. Митька поможет наваливать. Быстро накидаем.

Крюкин вспомнил о бутылке, подозвал сигналом жену:

- Держи, а то побьется о ключи. Потом по чаплыжке пропустим на окончание да за здоровье Мишки Сотоны!..

... До наволока оставалось всего с полкилометра, как стрелка датчика температуры воды стремительно начала загибать вправо.

- Этты, дьявол! - выругался тракторист. - Столько-то не дослушил! - Он сразу понял, что лопнул или размочалился ремень вентилятора. Заглушил двигатель. Засвистел, обволакивая кабину,

пар, столбом выкинуло воду.

Крюкин достал из-за спинки новый ремень, заменил его и стал носить ржавую болотную воду. Возвращаясь с последним ведром, почему-то вспомнил слезающую с воза жену, и тут его ожгло во второй раз, но уже не проходящим разрядом, а щемящим, подозрительным током, от которого захолодело в груди. Сразу стало прескверно на душе, вспомнились давнишние разговоры матери:

- Не ладно у тебя с молодухой-то. Уж все говорят на деревне, да видно, мне первой тебе сказать придется. Не обидься, а только сучка она. Ты присмотрись, да пока не поздно...

- Чего ты, мама, всякие сплетни собираешь? - отмахнулся он тогда. - Пустое мелют.

Отмахнулся, но попавшая в сердце заноза порой лишь в смертный час из сердца выходит. Выбрал момент, намекнул жене, мол, без причины люди болтать не будут. Та оскорбилась, слезу пустила:

- Да неужели не веришь мне? Как тогда и жить? Да разве я тебя на кого променяю? Завидуют нашей жизни, вот и мутят воду. Плюнь на всех.

Поверили, а мать снова:

- Помощник у тебя, сынок, есть. Дыму без огня не бывает. Ребята хоть и на тебя похожи, а вдвоем стараетесь.

Прикрикнул на мать, чтобы не совала нос, куда не просят. Мать после этого в себя ушла, два слова в день скажет и то, если настроение хорошее. Нянчится с внуками, при невестке молчит, а без нее слезы вытирает.

Слухи на деревне подобны ручейку, то утихнут, то снова текут. Намекал не раз под пьяную лавочку, балаболил про неверных жен тот же Мишка Одинцов.

И вот сейчас охватила Крюкина такая тоска, что не вытерпел, бросил ведро и побежал к наволоку. Бежал, а в ушах, будто наяву, все еще слышался гогот Митьки, и виделись в сумраке вечера белые женины ноги и задравшееся до пояса платье.

“Неужели... неужели..., - молоточками колотило под кепкой.

- Да не может быть. Нинке шестнадцать годов уже, не может быть..”

Может или не может, но у второй копны сена остановился, будто кто стеганул сзади: боль есть, а устоять можно. Молве не поверил, а уж глазам-то своим...

Митька не успел убежать. Крюкин сгреб его, подмял под себя и начал крошить. Никогда ни в одной работе, ни в одной драке

не вкладывал он в кулаки столько силы и злобы, молотил, куда попало, не замечая ни крови на своих руках, ни режущих слух воплей.

Татьяна по первости даже не смогла подняться, ее будто парализовало от страха, потом она вскочила, подбежала к мужчинам и начала пинать верхнего, мужа. Крюкин лишь мельком оглянулся на нее, рванул за платье, и стал наносить удары уже по упавшей Татьяне.

Воспользовавшись этим, Митька хотел отползти, но Крюкин поймал его за волосы, подтащил и принял безжалостно пинать обоих кирзачем сорок третьего размера. Они кричали, закрывая лицо руками, просили, стонали, только Крюкин ничего не слышал. Наконец устал, отошел в сторону, чтобы закурить.

Татьяна, не поправляя сбившееся платье, лежала на колючей кошенине, поджав красивые ноги, порванная сорочка вылезла в отворот платья, и ее лоскуток вздрагивал в такт всхлипываниям. Митька стонал, царапал руками низкую стерню, пытаясь то ли отползти, то ли встать.

От реки терпко несло смородинником, от земли тянуло запахом замешанных на стоялой воде трав. Совсем рядом цвилькала припозднившаяся синичка, закричал, зачастил дергач, но, точно смущившись своего наждачного голоса, смолк.

“Своловы! Сучье отродье! Столько лет за нос водила! У-уу, ненасыты! И ведь на кого польстилась, сучка... Рожа корява, грудь петушина, обезьяна обросшая... Зараза...”

Крюкин не находил слов, которыми можно было обозвать Татьяну.

Выплюнул папиросу, подошел к лежащим, выдернул поясной ремень и, заломив руки, связал обоих спина к спине.

Что испытывает человек, если он лежит связанный и видит, как на него медленно накатывается лязгающая гусеничная лента, выжимающая из дерновины черную жижу? А она накатывалась. И уже не стонал мертвенно-бледный Митька. Ужас лишил его голоса, стянул широкий кровавленный рот, заплывший глаз видел надвигающуюся смерть. Татьяна хоть и не могла видеть трактор, но по нарастающему гулу, по вздрагивающей почве все поняла и лишь гадала, по какому месту тела направит свою машину муж.

Митька засучил ногами, заизвивался, вырывая руки, а Татьяна не шевелилась. Она знала своего мужа, знала, что он их живыми не отпустит. А ведь ей это нравилось - жить с двумя мужиками и сравнивать спокойного, даже равнодушного в любви мужа, с

нетерпеливым и ревнивым Митькой. К шальному удовольствию видеть обманутого мужа вскоре добавилось желание мстить свекрови за ее подгляд. Не сказать, что она души в Митьке не чаяла, но тянуло ее к нему, как заворовавшуюся мышь - авось, не поймают...

Гусеничные траки стремительно росли перед глазами, пока не превратились в бесформенную крутящуюся глыбу. С этой глыбы стекали ручейки мутной воды, брызги летели в глаза, на щеки валились комки грязи... Еще мгновение, и тело смеется с вибрирующей землей.

Крюкин вышел из трактора, присел возле своих жертв, закурил. Долго смотрел на Митьку, будто впервые видел, потом отёр с его лица грязь с кровяными подтеками, прикурил новую папироску и сунул в Митькин рот.

- Кури. Перед дальней дорогой, - спокойным, все взвешенным голосом, сказал он.

Митька закашлялся, выплюнул папиросу и тонко завыл.

Татьяна вдруг заерзала, презрительно съянула и без того маленькие глаза, крикнула отчаянно, отрещенно:

- Дави!.. Все равно тебя не любила!

- Успеется, - сказал Крюкин. - Лучше ответь, ненасытъ, как можно прожить семнадцать лет вместе, спать на одной кровати, хлебать из одной чашки и омманывать? Как земля тебя носила? Отвечай, сука шелудивая!

- Зачем?.. Все равно не простишь...

Плюнул Крюкин в лицо Татьяне, отогнал трактор, снял с половников ремень.

Уже в темноте, в одиночку нагрузив тележку сеном, отъехал он с наволока. Не торопился - теперь спешить было некуда. Позади осталась бывшая жена и сосед Митька Лазарев, которых Крюкин навсегда вычеркнул из своей жизни.

НЕЧИСТАЯ СИЛА

Захотелось нечистой силе потешиться, главное, на руку ей, что люди творят... Нагнала мелкого дождя пополам со снегом, воет от нетерпения в отдаленных полях и перелесках. Накопила злобы, к жилью добралась, в полную силу зауллююкала ближе к ночи. Так, кажется, и перебирает ногами по стенам: там хлопнет, в другом месте топнет, суется в окна, под крышу заберется и гундосит на разные голоса. Тешится нечисть, по сердцу ей, что некрещеный народ - как и она, выгибается и сучит ногами... Мило.

Сегодня у Шестаковых свадьба.

На остекленной веранде освежается первое застолье, в коридоре толпа курильщиков, из летней избы в зимнюю двери настежь. Магнитофон орет свое и чужое, невеста смотрит на ужимки танцующих, как на давно поднадоевшую комедию. Жених водит чуть осоловелыми глазами по сторонам, его грива растрепалась от постоянного вмешательства рук, сунутый в карман пиджака искусственный цветок окрашен в первый сорт завезенного из дальних городов торта. Мать зорко "пасет" сына, время от времени выходит из кухни, перегибается через стол и поучает:

- Ты, Вася, веселее, веселее смотри. Чего, ягода моя, пригорюнился? Сегодня ваш праздник, ты уж не пугай гостей-то!..

Насколько Вася удается смотреть на мир "веселее", говорит ответная реакция дальней родственницы, черной, как цыганки, тетки Иды.

Тетка аж трепещет, чувствуя в пятках иглы, когда Вася впerrит в неё тяжелый, исподлобья погляд. По-всему Вася надо держаться ближе к перине, но этикет не позволяет расслабиться. Гости подходят и подходят, их надо встретить водочкой, улыбнуться, принять подарки, выслушать здравицу: "В первую очку - сына да дочку". Понятно, всем хочется, чтобы на Руси народ прибывал, а не убывал. Изредка гаркают "Горько!", тогда жених целует смеющуюся невесту.

Перестали на Руси выпитое зелье мерять ведрами, в чем допустили большую промашку. Кто теперь переведет "малушки", что под столами звякают, в настоящее петровское измерение? Гости пришли не овин молотить, знала птичка, почто летела...

Неистовствует буря...

Десятироговая люстра едва теплится (где-то замкнуло) или режет зрачки (расхлестнуло провода)... Электрик убежал на подстанцию и должен в случае чего вогнать вместо калиброванного

предохранителя гвоздь амбарный. Выноси, родимая, дорогое яичко во Христов день: сгорит подстанция, - другое дело, не с фонарем же в наши дни свадьбы гулять!.. Некрещеный народ и свадьбы гуляет некрещеные. До чего дожили, на всю деревню плачальщиц осталась тетка Евстолья, да и та не поет, а как волчица на луну воет. Хороший гость протягивает конверт запечатанный. Сколько он не пожалел - завтра сосчитаем. А нынче невестушка знает, с кем ее Бог соединяет: в старое время голосила бы в три струи, а сейчас... не медведь дерет, мужик берет, слезу не выронит! Мало и первая ночка пугает: случается, что запретное ногой толкает, маму замуж поспешиает...

Иван Шестаков, женихов отец, ящиками таскает "малушки", нет-нет да хлебнет из горлышка походя. Дива тут нет: на подсосе живем. Вот дал сельсовет справку, выкупили мерзость, а так ищи бы котел пивоваренный, а его пионеры в утиль сперли,хватись ковша - мыши изгрызли, солод на полях - как отменили уполномоченных - рasti перестал: да и на статью тянет изготовление домашних напитков. Из обрезной доски или горбыля пить гадость не возбраняется, а чтобы двоеварное пивцо - уволь... Кое-кто перешел на вынужденные меры, - жрет брагу. Химия простая: горсть того, банку этого, вали до кучи варенье, дрожжи и несъедобный материал, - выбродится так, что сосед потом слышит, как в бане моешься после употребления...

Водопой в разгаре. Мать жениха Васи женщина ходовая. То тут, то там склоняется над гостями, потчует, крутые щеки готовы лопнуть каждую минуту смехом, приплюснутый нос так и принююхивается: не пора ли подавать новую перемену блюд? Боже упаси, чтоб потом языками чесали, будто Шестаковы хуже других угощали!..

Вот Иван Аверьянович, отец Васи, замечает отдельно сидяще-го у печки молодого человека, с пышной рыжей бородицей. Бородач сидит в отчаянной позе, закинув голову назад. Как охотники скрывают мирно жующих ивняк лосей, так и Иван Аверьянович нарисовал сперва большой круг около печи, потом, исподволь изучая лицо, поменьше, на третьем круге столкнулся нос к носу.

- Кажется, Дмитрия Попова сынок? - обратился Иван Аверьянович к рыжей бородице.

По слухам, сей мальчик ходил в загранку, неудачно женился, дважды побывал в местах отдаленных...

- В точку! - развязно ответил молодой человек.

- А я с отцом-то в армию уходил и вместе курсы кончал.

- Весьма трогательно!

Иван Аверьянович ухватил за рукав нового знакомого:

- Так чего же ты, друг милый, стола чураешься? Пожалуйста, пей, ешь, не гоже от масс отбиваться. Вот я бывало... Тут Иван Аверьянович замолчал, как бы заинтересовывая собеседника, но молодой человек сам пришел на помощь.

- До лихоты. Все разговоры о работе да о заработках!

- И-ии, милок, на том стоим. Ныне время-то такое, кто кого обьегорит. Положение вулканическое. Прошлый год был случай. Я, знаешь ли, тракторист с первым классом, везде гож. Пришла немецкая косилка, кому отдавать? Главный инженер: "Аверьянычу, такого аса поискать". Председатель: "Звеньевым поставим". А механик-недоучка, ерш ему в печенку: "Характер не нордический, отклонения есть!". Ладно, думаю, салажонок, узнаешь мой характер. Отдали мне "немца", но, понимаешь, такую мышиную возню около этого хозрасчета устроили, под такой монастырь работягу подвели, что сделай им все бесплатно - тогда колхоз рентабельным будет!.. Стали договор заключать, этот механик с экономисткой и пожаловали. Они мне так, а я им - другомя. Они печатным словом, а я житейским. В магазине нынче на сотню у прилавка умрешь. "Конечный результат, по итогам года", - развели антимонию. Нет, говорю, подавай наличными, а по концу года пускай бык веревки жует. Если но полторы тысячи на нос не выйдет, так садитесь сами и заготовляйте, хоть силос, хоть сенаж, хоть французскую бурду... Уехали вербовщики ни с чем. Я мужикам: "За меня держитесь, дружнее стойте". На другой день вся контора к нам. Мы сидим да в карты играем, а погодка на миллион. Председатель бесится, зубами скрежеет. Пес их разберет, чего они в этом договоре намараковали. Спрашиваю: "По полторы будет?" "Нет", - отвечает председатель. Ну, думаю, скрипи, скриши, по-нашему выйдет, до фени мне твой скрип. Народу в колхозе шиш да маленько, и такими, как Аверьяныч, раскидываться широковато. Рядились, спорили, сошлись на тысяче двести. Мужики меня качать... А силос приготовили - будьте-нате. С области рулит важная персона, меня в контору. Эх, говорит, Иван Аверьяныч, забыл с собой медаль прихватить, то бы сейчас собственной рукой на грудь прицепил.

- Медаль пришла после? - поинтересовался бородач, не удивленный рассказом Аверьяныча.

- А как же. Показал бы, да запропастилась куда-то.

- Не годится наградами швыряться, вещь к пенсии нужная.

- Твоя правда, - засмеялся Иван Аверьянович.

Молодой человек между тем придал лицу мыслящее выражение, продрал бороду.

- Вот меня на целине к ордену Ленина представили. Я на "Кировце" полтораста га за смену лопатил...

- Факт, это машина! - подтвердил Иван Аверьянович.

- И ведь что ты думаешь! - умыкнули. Бюрократы, чинодралы, казнокрады, проходимцы в органах - нет ордена!

- Ериш им в печенку! Когда и разгонят конторы! - с должным вниманием и революционным выражением на крупном лице произнес Иван Аверьянович.

- Тут я сунул одному чижику пяток кусков, мол, выправь заслуженное, не годится домой показываться без ордена, когда родители фамилию сына в газете прочли. Вызывают меня в обком, первый секретарь обнимает, целует, вот, говорит, жаль монетный завод на реконструкцию встал, то бы "Звезду Героя" собственной рукой на грудь прицепил!

- Да, это хорошо! - насищенно улыбнулся Иван Аверьянович, поставленный в странное положение. В молодом человеке он увидел своего двойника, который врал еще более изощренно. Потому Аверьянович прошелся по дому, предупредил курильщиков, чтоб курили по-фронтовому, в рукав, развел трех петушков, уж очень яро наседавших друг на друга, проверил остаток зелья. Какой-то червь неудовлетворения грыз печенку. Этот сын Дмитрия Попова вогнал его в доску! Его-то, мастера небылиц и анекдотов!

...Пронзительный ветер люто завывал вокруг дома, дождь просился в рамы. На улице темень - глаз коли.

- Не приведи Бог в такую пору пешему в дороге, - снова подсаживаясь к бородачу, молвил Иван Аверьянович.

Шумит застолье, кто во что горазд. Накачался шофер Каликин, заикается и с согласия жены чмокает вдовую молодицу. Кузнец, дядька Парфен, на спор гнет железные рубли.

- Аверьяныч!..

Высокий, тощее поминального блина электрик, расталкивая кособенящиеся пары, пробился к хозяину дома.

- Аверьяныч! Телятник горит!..

Иван Аверьянович подскочил на стуле, ошалело вылупил глаза. Потом спохватился, махнул рукой.

- Ты, Антон Иванович, фирму мне не порти... Какой горит, старый или новый?

- Старый. От реки тем краем пластиает.

- Ну и пес с ним. Сколько говорил дундуку бригадиру, что

давно надо истопить.

- Дождались. Ладно, - обнимая промокшего до нитки электрика, Иван Аверьянович подтолкнул того к столу. - Садись, пей, ешь, - все равно не отстоять. Багра путного в колхозе нет, помпы и подавно. Пока до района добраякаешься, одни головни останутся. Колхоз не лаптями торгует, веселись!

- Ну, а дальше, дальше что?

- Суд будет. Заметут... Тоже случай был. Загорелась у нас буровая. Пламя выкинуло из стволины, тут не зевай, ноги в руки да ходу. Пламя день харкает, два верещит, и с вертолетов пластиры наводили, и водой заливали - пустой номер! Подхожу к бугру: "Клади десять кусков - и алле-франце!"

- Ну, ну! - подтолкнул вспоминающего пожар бородача Иван Аверьянович.

- Дал. Привязали к "сотке" трос... да вот с две мои руки толщиной, на клык платформу с песком, по газам - и в самое пекло...

- А деньги?

- Пропили.

- Десять тыщ?..

- Мелочевка.

В коридоре послышался топот множества ног, раздались крики, визг, и все стихло. На цыпочках подбежала к Ивану Аверьяновичу жена, рот перекошен от ужаса.

- Беда, Иван, мастерская горит!

- Перекинуло, - свистнул сквозь зубы муж. - Пустой номер, не спасти.

Все разом заговорили, устремились к окнам. Видимость была мизерная, торчали две копны сена на соседнем огороде, мешала сетка дождя. Мастерская стояла в низине: багряные отблески ползали по небу... Когда порывы ветра стихали, ввысь поднимался качающийся столб света. Точно страшный демон, распластав крылья, клевал землю: нечистая сила, отдохнув малость, еще больше раскручивалась: шипела и стонала... Своего добивалась.

Часть гостей подалась на пожар. Жених Вася хотел принять участие в благородном порыве, но мать придавила его к столу. От обиды Вася задохнулся, спиб кулаком вазу с конфетами.

- Васька-аа! - рявкнул отец.

Молодая со свекровью вытащили Васю из-за стола, повели в горницу.

- Три года назад тоже был случай, - Иван Аверьянович зарядил новую обойму. - Был я тогда председателем колхоза. И за-

думал скотный двор строить, а денег нет. Я туда-сюда, весь бюджет из района забрали. Мужики бают: "Аверьяныч, кровь из носу - дуй к Первому!"

Тут Иван Аверьянович запнулся, а молодой человек не замедлил сделать выпад:

- Меня тогда тоже генеральным директором Череповецкого металлургического поставили. Власти упрямились, не хотелось работягу в мягкое кресло тянуть, а мужики: "Если не поставите - забастовка!" Работа не пыльная, секретарша - не стыдно на берег Адриатики показать, под окном "Волга". Вызывают из Москвы по прямому проводу: так, мол, и так, дай миллиончик колхозу, где твой пуп резан...

Иван Аверьянович отошел от бородача, как в воду опущенный...

Он полагал, что летает на небеси, а молодой человек изгаялся над ним - обидно!..

Накинул Иван Аверьянович фуфайку и пошел глазеть на пожар.

БРАТЬЯ

1

Капитон стоял над кадкой, точно соображая, нырнуть в нее или не нырнуть. Поежился сирсоны, опустил руки в воду и резко выдернул: стужа. Скрипнула дверь на крыльце, на улицу вышла незнакомая девушка, белокурая, глазастая, осмотрела Капитона с макушки до пят. Капитон был парень видный корпучом, на лицо сухой, носил, что мышиные хвосты, пшеничные усы. Обнаженный по пояс, он стоял и смотрел на незнакомку.

- Ты чья? - сурово спросил.

- Советская.

Капитон отвернулся, сунулся в кадку с головой, отпрянул в разлетевшемся веере брызг.

Было свежо; соседняя на горушке деревня пробуждалась в розовом пламени, в низине реки стлался туман.

Девушка медленно подходила к Капитону, трава дымилась под ее ногами.

- Солнышко поднимается, - сказала она, зябко передергивая плечами.

Капитон взял полотенце и, обтираясь на ходу, пошел в дом.

“Советская... шалава”, - подумал Капитон, спиной чувствуя, как острые глаза полосуют спину.

Он сел на кровать, достал потрепанную записную книжку, сделал пометки о вчерашнем дне.

Мать гремела чугунами на кухне, старший брат свистел носом на диване.

- Видел? - мать с таинственным и в то же время счастливым лицом наклонилась к Капитону.

- Чего?

- Какую кралю наш меншак выхватил?

“Советская” - Капитон как бы в другом свете увидел девушку. Какая-то досада, похожая на ревность, зацепила душу, но не от того, что брат притащил в дом девушку, а то, что мать радуется не за него, за брата. У матери даже губы спеклись как от жажды.

- Привез так и привез.

- Фу ты, Капитон, ровно он чужой?

Не говоря больше, Капитон взял приготовленную с едой сумку и пошел к дверям.

- Ты хоть поешь, некрещеный!

Капитон прошел через деревню, у стены последней, полуразвалившейся нежилой избушки обил сапогом траву, сел. Земля

дышила, звала в объятия всплывающую над лесом краюшку солнца. Лес невидимыми путами держал светило, но жар спалил эти путы, и вот оно как выскочило, ослепив все живое. Легкий ветерок шевельнул склонившуюся в поклоне рожь, до недавнего покорная стена пришла в смятение, прикрылась неведомым золотым облачком пыльцы, и то облачко полетело вдаль, волнуя поле. Медяной аромат густо заполонил округу. Капитон ждал напарника Сашку Белова. Вчера договорились с ним косить Тарасовы пожни - бригадир весь испереживался, что не успеет выставить сено в хорошую погоду, и придется бухаться в грязи. Сашка опаздывал...

По краю поля шла "советская". Походка легкая, упругая, в одной руке букетик цветов, второй приподняла подол заманисто шуршащего платья. Белые локонь рассыпались по плечам, вся светится, что нарождающийся день. "Губа не дура", - думает Капитон про брата.

Идет Сашка, смеется неизвестно чему.

Капитон поднимается, поправляет на плече ремень сумки.

- Трезвонят на деревне, будто ваш Мишка жениться собрался, - Сашка делится последними новостями. Длинный, нескладный Сашка ничуть не обижается на говорящего в час по чайной ложке товарища по школьной парте. Словоохотливый друг может вештать часами, замолкает, если видит, что серые глаза Капитона смотрят грустно и сонно.

- Ну так как сноха-то?

- Ничего.

Отворяют на живую нитку сбитые ворота, скрипящие на всунутой в ступицу пяте, идут тропинкой. Капитон останавливается на тропинке, смотрит в ту сторону, куда недавно ушла девушка. Вспоминает мимолетную встречу, острые глаза, рассыпавшиеся по плечам волосы. "Что такое? - мелькает в голове, - о чем я?"

В обеденный перекур в поле пришел Мишка, прикинулся обиженным, что брат не разбудил его.

- Вырос, - Капитон любовно обнимает младшего брата. Лицом Мишка похож на Капитона, лишь в плечах поуже, да на язык побойчее.

- Отслужил, Капа, свое, на родину потянуло.

- Дома лучше, - соглашается Капитон.

- Может, разрешишь? - просит Мишка, хлопая рукой по крылу колеса.

- Сыро, - отговаривает Капитон, - по полю еще ничего, а во-он у той ободранной березы сразу на пузо. Я два раза буксовал - с

разгону не пробирает, - смотрит на длинные прокуренные пальцы брата, и кажется, что не крыло Мишка гладит, а длинные волосы "советской".

- Мою-то видел? Оцени, - Мишка точно читает мысли Капитона.

- Пойдет.

- Ну? - Мишке хочется не односложного и непонятного заключения Капитона, ему хочется, чтобы брат нашел выбор очень верным.

- Тебе жить, - еще неопределеннее говорит Капитон, но этого Мишке достаточно: брат сражен!

Мишка сдержанно смеется, ободряюще хлопает Капитона по плечу.

- А ты чего без хомута ходишь?

- Успеется...

2

Коротконогий бригадир Максим Лукьяновский озабоченно спешил по деревне. Сено пересыхало, утром пронеслась синяя туча, - дождь никак не собирается, а механизированное звено зас тряло в соседней бригаде.

- Львовна! - гаркнул он проникновенным голосом погоняющей прутником корову Виринее Львовне. - Да что же ты?!

- Сейчас, Максим, сейчас. Ужо курортников своих выгоню.

Петрушка! Запряга-ай! - охваченный отчаянной энергией, кричал бригадир подростку, уже бежавшему с узелкой в направлении конюшни. Разновозрастная пестрая ватага катилась на поле.

Солнце застыло в необъятном голубом небе.

- Все машины да машины, небось, и мы пригодились, - хрипела, задыхаясь от ходьбы, тучная бабка Агния.

- Тебя, бабка Агния, если рассердить, за трактор сойдешь, - хохочет Мишка.

- Эх, милый...

- Не приставай, - одергивает не в меру веселого Мишку Ольга.

- Да ты знаешь, какие она ноши носит? Ноги есть - лошадиный воз катится, - не унимается Мишка, для смеху берет бабку на "трос", тащит ее за плетеный поясок.

Со смехом, с ходу все включились в работу. Бригадир кричит последние распоряжения по части металышников. Женщины лишь мельком задержали любопытные взгляды на горожанке, ловко перехватившей грабли, принялись за дело. Гребут, нет-нет да и

перебрасывается метким словцом.

- Откуль ты, милая? - спрашивает бабка Агния, забирающую широкий вал Ольгу.

- Из Устюга.

- Не похоже... ишь, по-нашенски.

- Так я и есть "нашенская", - смеется Ольга.

Недоверчиво смотрит бабка: до чего же девка обжилась быстро.

Мишка победоносно смотрит на Ольгу, небрежно берет вилы и начинает заводить стог.

Капитон и Сашка поспели вовремя: Мишка взмок, он похож на загнанного коня, сунувшегося мордой в сено. Бабка Агния качает головой, глядя на прикорнувшего Мишку. Капитон смеяется Мишку. Тот, не глядя ни на кого, плеется работать в женское подразделение - загребать и накидывать на воза. Капитон отправляет Сашку делать волокушу из двух берез, производительность заметно увеличивается.

По полю спешит бригадир, отирает лицо кепкой, кричит:

- Поднажмем! Поднажмем, бабы!

Рыжие кирзачи мелькают около стога, вот бригадир уже на верху, торопит Капитона. Голый до пупа Капитон берет такие навильники, что трещит березовый черенок. Труха облепила торс, пот выел глаза. Вскакь подогнал лошадь подросток Петрушка, сиится помочь Капитону освободить дровни.

- Ты молодуху городскую с собой бери, она на ногу ходкая! - распоряжается бригадир.

Петрушка со следующим возом так и делает. Вприпрыжку рядом бежит Ольга, смешно поддерживая сваливающуюся босоножку.

Втроем упираются в утрамбованный воз. Петрушка прикрикивает на лошадь, вдруг их накрывает съехавшая крыша стога, откуда-то из-под земли слышится ругань бригадира. Ольга визжит, благим матом орет перепуганный Петрушка. Капитону попадается в руки сапог бригадира, потом он натыкается на пытающуюся ползти Ольгу и цепенеет: какая под рукой нежная кожа...

К стогу бросились все. Мишка вытащил свою зазнобу, вынужнен выскользнуть Петрушка и дал стрекача от стога. Бригадир - виновник неурядицы, чуть не плакал от досады: полстога придется переметывать.

- Тихое на ходкое наводит! - укоризненно говорит Агния.

- Эх! - скрипит зубами бригадир.

Веселью нет удержану. Вспоминают, как выскочил Петрушка, как сплевывалась Ольга от набившегося в рот мусора, как ушел от всех Капитон, видно помяло.

Теперь стогоправом идет бабка Агния.

- Ровней, ровней... от дальней полосы везите, - слышится ее голос.

Капитон боится встретиться с глазами Ольги, ему кажется, что она думает про него плохое.

Небо заволокло тучами в одночасье. Вроде поначалу шутя протащились несколько лохматых облаков, громыхнуло пару раз в отдалении и стихло.

- Мимо! - облегченно крикнул бригадир, сам того не ведая, что как бы подготовилась земля, стихла.

Ниже и ниже, пригибаясь к земле, наползает туча, закрывает солнце. Над самыми головами заярилось небо.

Ливень начинается завешенный и оглушительный. С визгом разбежалась мелюзга, забилась под стог. Промокшие до последней нитки, сунулись старухи.

- Сюда! - бригадир останавливает бегущего Капитона.

Капитон бросается на крик, снова его руки касаются тела Ольги.

- Вот ты дьявол! - сетует бригадир. - Час! Только бы час, и на тебе!

- На Бога с вилами не кинешься, - сказал Капитон, удивляясь своей веселости.

- Оно так, - бубнит бригадир, роясь в подмоченной пачке сигарет.

Заблестели лужи в продавленной колесами стерне, пузыри не успевают покрасоваться шапкой, были да нет. Одиноко стоит лошадь, наспех привязанная к стогометателю. Гнедая кобыла переступает ногами, когда верещит гром, приседает. Капитону кажется, что ливень тащит ее по полю.

Бригадир накурился, отвалился на бок и задремал.

- Жмись, - озорно предлагает Ольга, - все теплее.

Дождь как отрезало. Слышно, как журчит по колеям вода, со стога стекают последние ручейки. Что красна девица из окна выглянуло солнце, и запарила земля.

Из кабин тракторов, из-под стогов вылезает народ, толкается, смеется. Свежо на душе Капитона, точно дождь ее сполоснул.

- Ты чего это, брат, законных хапаешь? - нарочно громко кричит Мишка, подбегая к стоящим рядом Капитону и Ольге.

- Тоже мне, законный, - встречает его Ольга.

Мишке недоуменно смотрят на нее, хохочет.
Толстая Агния направляется домой и, как команду строиться, выдает частушку.

3

Уходит день.

В воздухе распространяется прохлада и тишина. Задумалась рожь, тускнеет, как опаленная. С высоты неба, из самой дали тащится ночь, горят прощальными красками вершины берез.

Капитон сел на скамейку около куста смородины, задумался. Совсем свечерело.

От крыльца отделяется старший брат Пашка, широко расставляя слоновьи ноги, подходит к Капитону. Садится перед ним на корточки, закуривает.

- Как думаешь, наши наклеивают норвегам или нет?
- Обязаны.
- Во, и я так думаю. Они же, паразиты, до чего игру хитро ведут...

Пашка ярый футбольный болельщик. Организовал что-то вроде клуба, заманив в него ребят из окрестных деревень. Его команда готовится к соревнованиям с юношеской школой района. Пашка в ней тренер и вратарь. Ловкие ребятишки могут проскочить у вратаря между ногами, но мячи он берет мастерски. Пашка объясняет Капитону, на каком месте в турнирной таблице окажется наша команда, продуй она норвежским футбалистам. Вообще-то Капитону безразлично, выиграют наши или не выиграют.

Сегодня Пашка трезв и гладко выбрит. Мать наказала наносить в баню воды. Он сходил к колодцу два раза, и тут увидел Ольгу, сидевшую на подоконнике.

- Не выпади, - пошутил.
- Мишка на веревке держит, - отшутилась и она.
“Мишке, пожалуй, далеко до тебя”, - хотел сказать. Подкинул ведра, поймал за дужки, пошел за водой.

Пашке шел двадцать пятый год. В плечах сажень, жениться не думает.

Пашка видит, что Капитон его не слушает, спрашивает:
- Думаешь, у них серьезно?
- Завидуешь?
- С чего ты взял? Дело понятное, учились вместе. Мишка говорит, что она вроде терапевта что ли... В клубе вчера плясала, так оторви да брось. Наши девки ножонками дрыгают, а она как

пава ходит... Ладно, пошли на боковую.

Слабовато, точно проверяя голос перед утренней спевкой, кукарекает петух в хлеве бабки Агнии. Его никто не поддержива-
ет.

4

Переженить сыновей - заветная мечта Вириней Львовны. Не легко ей досталось ставить на ноги одной троих. Муж погиб на лесоповале, когда младшенький только начал писать в тетрадке закорючки. Не раз жаловалась Богу, что не дозволил хоть одну девку родить, одних мужиков настрогал Родион. Разложит на столе фотокарточки, смотрят на нее девушки милые в солдатской форме, сидит, гадает. Три мужика из одной утробы, а лицом да характером будто разных матерей дети. Старший натурахой в Родиона, а телом не знать и в кого; Капитон в свою родовую - молчун, как и ее батюшка; заскребыш Мишка, вроде и свой, вроде и по дядюшке изладился...

Дали знать годы. Пожелтело лицо, на лбу, под прямыми, резко очерченными бровями, легли морщины. Не так чисто голубеют глаза, попрятались во впадины. Была она женщина тихая, добрая, пока жив был Родион, на все смотрела глазами мужа. Не перечила, не показывала боль деревне, хоть и больно выпадало. Страшно обрадовалась, когда воротился домой Мишка и привез невесту. Вроде и не принято нравами, чтобы невенчанная на правах венчанной ступила в дом, да Бог с ними, с заветами.

- Что же ты, голова с мозгом, такое дозволяешь? - укорила Вириней Агния.

- Срамно?

- А то нет! Нде это на веку слыхано, чтобы девка гордость свою на перину променяла?

- Так оно, да как мне переженить их, окаянных?

- Через сноп не молотят, Виринеюшка. Ты старшего-то медведя обжени, нечего ему у Гальки-распутницы пропадать.

Вириней Львовна во всем старается угодить Ольге. Постоянно с ней общается, располагает к себе откровенностью. Как-то заметила, что Пашка стоит перед Ольгой подбоченясь, впился нахальным глазами, как ухватом прижал. Мишка в это время был на рыбалке.

- Ты чего это, чего? - прикрикнула на старшего сына. - Ну, иди по своим делам!

- Так поедем кататься? - пристает Пашка.

- Отойди, рожа бесстыжая! - отгоняет мать, а у Ольги точно

бесы в глазах, играет ими, дразнит.

Отгонить отгнила, а про себя думает: "Сомнет девку". И перестала Ольгу от себя отпускать. Пошла коров доить и ее тащит, вроде как в помощницы, и бережет и изучает.

Заметила мать и в Капитоне перемену. Все, думала, коль по батюшке кровью пошел, то мужик будет хозяйственный, а тут сомнение взяло.

- Капитон, - удивленно спросила вернувшегося после полудня сына, - заболел или трактор поломался?

- Была бы шея - железа хватит, - отвечает Капитон и вроде как ищет чего-то глазами.

Смотрит на него мать пристально, лицо ее розовеет.

- Так что случилось, Капитон?

- Заскочил вот тебя проведать.

- А чего... пришла с дойки...

- Ну, хорошо так ладно.

Сел на велосипед и пропал. Смотрит вслед мать: не затем приезжал Капитон, чтобы ее проведать. Если бы так про шею и железо Пашка сказал, значит, за воротник бросил, если бы Мишка - на его похоже. Уж не поругался ли с начальством?..

Весь остаток дня ходит сама не своя.

Вечером сыновья собираются. Мишка хвастает, какого "матерого" хариуса тянул, но леска подвела. Ольга сидит перед ними, как матери кажется, вызывающе, не одернет платье на загорелые колени. Здоровяк Пашка - это ли не крепость потомства? Работяга Капитон - это ли не каменная стена? Мишка, в глазу порошина - с ним доживать собиралась. "Что я делаю? - ужасается Вирина Львовна. - Да я Ольгу делю!..". Мишка не замечает, что братья отворачиваются, веселит байкой.

Спит Пашка, едва умешаясь на диване, дрыхнет Мишка на сеновале. Ольга проснулась вместе с Вириней Львовной, сразу же пошла на улицу. Взяла в привычку каждое утро обходить деревню.

Смотрит мать в щелку: Капитон подтягивается на перекладине, а Ольга стоит рядышком, счет ведет.

- Ну еще... еще.

От нетерпения Ольга подскакивает, помогает Капитону за ноги.

Оба валятся на землю. Матери кажется, что Ольга нарочно не оттолкнула Капитона, вроде как сама повалилась. Вирина Львовна пинает ногой пустое ведро, молодые раскатились. Капитон, стыдясь, идет в избу, Ольга, потрепав волосы - к калитке. "Озор-

ная ты, девка", - не одобряет поведения девушки Виринея Львовна.

Мишка ходит с Ольгой в обнимку. Бабка Агния выговор ему сделала:

- В экую пору забавы не с руки.

Пашка похож на вора: Мишки нет поблизости - обхаживает Ольгу, цветочки ей дарит. Ольга сунется в те цветочки носом, улыбается.

"Сдурили мои мужики", - наконец поняла мать. Капитон стал неузнаваем. Лицо озарено особенной топлотой. Друг Сашка не понимает перемен. Раньше в обеденный перерыв едва успели по куску съесть, как мотает головой: поехали, а теперь лежит по часу и слушает Сашкину болтовню.

Пашку шалопутная Галинка осрамила при всем честном народе.

- На алименты подам!

- Уймись, зараза! - разъяренным гусаком шипел Пашка.

- Кобелина! - визжала худосочная, с вечно не разгибающимися ногами чуть косоглазая Галинка. Выло у нее четверо детей, лавры отцовства двоих она признавала за Пашкой.

5

Капитон доверчиво, с затаенной надеждой смотрит на Ольгу, раздвигает стебли дикого хмеля, кидается к ней.

- Ты что! - испуганно кричит девушка. - Рехнулся? - И осматривает пустой противоположный берег.

У Капитона шальные глаза.

- Уйди! - кричит не своим голосом, отступая назад.

- Постой.

Ольга у самой воды, прижала к груди платье, пересохшие губы шепчут:

- Не смей.

Капитон, точно спохватившись, остановился, взял омытый водой голыш.

Ольга долго смотрит на него, приходит в себя.

- Ты зачем здесь? Господи, от ума отстанешь.

Булькает на перекате река, играют на воде переливчатые блески. Пахнет разомлелой травой, смородником, черемушник крулит голову.

- Прости, Капитон, я этого не хотела.

"Как? - кричит у Капитона сердце. - Ты же сказала, что в Мишке многоного недостает от меня!" - Не верит Капитон, не хочет

верить.

- Я... я не отдам, - заявляет Капитон.

- Чего? - будто снова дразнит Ольга.

Капитон хватает ее как медведь колоду.

- Пус-ти? - отбивается Ольга, извиваясь всем телом.

А выпирающие из-под купальника груди перед самыми глазами, видно, как пульсирует на шее жилка... удары отрезвляют Капитона. Ольга колотит его обеими руками.

Капитон садится на песок, прячет глаза в землю.

Ольга переходит реку, одевается, медленно идет по берегу.

Мишка развалился на свежем сене, закинув за голову руки. Рядом сидела Ольга, накручивая на палец волосы, читала книжку. Наблюдавший Пашка заметил, как брат, точно выполнял обязанность какую, притянул ее к себе и хотел поцеловать, но Ольга оттолкнула его локтем. Мишка, как ни в чем не бывало, вытянулся во весь рост, зевнул. По телу Пашки пробежал озноб.

- Не пойду я стоматологом, устроюсь механиком на судно, и тебя поварихой пристрою. И поплывем мы в какую-нибудь Канаду...

- Глупый, - смеется Ольга, - отобьют ведь.

- У меня не отобьют, - самоуверенно говорит Мишка. Полежал, чего-то соображая, спрашивает:

- А ты почему это сказала?

- Просто так. Вон на твоем судне сколько моряков будет.

И потерял Мишка покой. Пасет свою Ольгу, на ревность исходит. Перестал он верить братьям, так и чувствует, что который-то отберет Ольгу. Клянет себя, что привез ее в деревню.

Братья спать не ложатся подолгу, то один, то другой по улице ходят. Мать спросит Мишку, чего спать не идет, а он злится, мать тоже в завистники записал.

- Как, дочка, дальше-то? - спросила Виринея Львовна Ольгу.

- Нравится мне у вас.

Весело ответила, а Виринея Львовна опешила: скандалу быть. Вышла Ольга из дома, а Капитон ее давно поджидал, от нечего делать чинит зубья грабель.

- Иди ко мне, - предложил шутя, а в организме не осталось ни одной фибры, которая бы не затрепетала.

- Мать видит, - странно отвечает Ольга.

Не та она теперь, что была на берегу реки, совершенно иная.

Капитон вскочил с чурбака, дрожит всем телом.

- Пойдем в поле.

Ольга прижимается к нему, а за углом слышится тяжелая походка Пашки. Ольга отталкивается от готового обнять Капитона и убегает.

- Руку обрежешь в темноте, - говорит Пашка.

Потоптался, спросил:

- Может, осенью срубим новый хлев?

- Можно.

Подошел Мишка, скособочился, то глаза вскинет на старших, то опустит. Пашка снисходительно улыбается, покуривает. Капитон сбычился, роет каблуком землю. Пашке бы по чину надлежит речь вести, а он молчит. Чувствует Мишка, что старшие против него, но как имеющий больше моральных прав на Ольгу, говорит:

- На днях поедем в Архангельск.

- Чего мало погостили? - спрашивает Пашка.

- На работу пора. Ольга теребит, поедем да поедем. Город, говорит, и есть город, не здешняя дыра.

Врет меньшак нахальным образом. Капитон и Пашка знают, что Ольга дважды побывала в райцентре, и говорила с главным врачом о фельдшерском колхозном участке.

- Ну-ну, - бубнит Пашка.

- Зовут меня стоматологом, и квартира, и при валюте.

Разошлись, недовольные друг другом.

6

Пашка умный, пока трезв, пьяный - дурак из дураков. Ходит по избе лесным кабаном, что под руку попало, то завтра в печь на дрова.

Капитон как-то сказал:

- Хоть дом спали, а мать не тронь. Убью.

Помнил это Пашка, мать не трогал. Виринея Львовна спрячется в горнице, с опаской сидит и ждет страшного: если Пашка ворвется сюда, Капитон застрелит из ружья.

Сегодня Пашка вернулся рано, но таким его еще не видали. Глаза ненавидящие смотрят на всех, сжатые кулаки не предвещают скорого смирения.

Семья ужинала.

Было все: пьяные выкрики, слезы матери, бой стульев, маленькая драка, а кончилось тем, что Капитон упер Пашке в грудь ствол ружья.

- Я тебя предупреждал, - ледяно сказал он.

В огромном теле таилась трусливая душа: Пашка бежал с

поля браны.

- Господи, - шептала Вирина Львовна, - дай Бог детей, да таких как у людей.

Устроенный Пашкой концерт был Мишке на руку. В драке у него пострадал нос, но нос скоро заживет, зато теперь Ольга согласится уехать.

- Ты его еще с топором не видала, - пугает Ольгу.

- Завтра же уеду!

- Зачем завтра? Ночь наша, баражла не акти сколько.

Капитон понимает, что рухнули его мечты. Он предлагает подвести Мишку и Ольгу на мотоцикле.

В коляску Ольга не села, как ее Мишка ни уговаривал, села за Капитоном.

Прекрасной и бесконечно пустой кажется ночь. Как брошенный слиток серебра летит навстречу мотоциклу луна. Птица сорвалась перед носом, мелькнули два горячих уголька в лесочке и погасли.

На колдобине Ольгу бросило на Капитона. Она сначала сквасилась руками за его плечи, потом отодвинулась, а на следующем тряске прижалась к нему вплотную. Капитон слышал, как она всхлипывает и водит носом по спине.

- Останься, - страстно шепчет, чуть оборачиваясь.

- Тогда, на реке... поздно.

ПОСЛЕДНИЙ МУЖИК

Онучин умер накануне Великого поста. В последнее время он страшно похудел и изменился в лице. У него болело все тело, ломило суставы, но он воображал, что выздоравливает, потому тщательно брился, смотрелся в зеркало, нетерпеливо ворочался в постели. Под конец стал очень разговорчивый, говорил тихо, через силу, тяжело дышал, вспоминал покойную жену Агафью, просил у нее прощения, жалел убитого парнишку, сына бандеровца, обещал наделать бабам к сенокосу грабель.

Горела утренняя заря, над зубчатым лесом медленно поднималось солнце, радостное, изумленное, как дите малое. Воздух был спокойный, затаенный, природа вчера, как в последний раз, вдохнула мороз, а под утро выдохнула изморозь - шевельнулась под снежным тулупом мать-земля. Сквозь стекла пали на стол, на тальянку, на лежащего Онучина лучи, окропили позолотой. Кошка, встревоженная не понятными ей переменами, то просилась у дверей на улицу, то сжималась на полу клубочком. Никто не видел, как умирал Онучин. Явился ли к нему ангел и благопристойно попросил следовать за ним, или судорожный дьявол, хохоча, подхватил железным крюком его душу...

Он лежал навзничь на большой деревянной кровати, под стальным ватным одеялом из синего ситца, в пестрой рубахе с расстегнутым воротом, уставив в потолок неподвижные, как бы шальные от изумления глаза. Бритое до синевы лицо, острый нос, скрещенные смиренно руки.

На деревне топились печи, сизый дым поднимался сажен на двадцать ввысь, уходил замысловатыми кружевами на север. Жизнь, простая человеческая жизнь продолжалась в раздумьях и хлопотах.

Пришла Наталья, двоюродная сестра Онучина, прямая и высокая старуха, сняла у порога валенки, полезла на печку за теплыми обутками. Охнула раз-другой, пока их достала, попутно незлобливо отругала кошку, что лезет под руки, разделась, стала затоплять печь.

- Василе-ей, - нараспев сказала она, - седни как, отвалило, не давит грудь? Сердишься, ну посердись, на сердитых воду возят... Я вот седни сон смешной видела. Помнишь, ты лошадей гонял, когда с Иваном нашим за рекой до войны жали. Народику - ну как наяву, гужом, и девки незамужние, и бабы, всех вижу. Как бы на Ильин день, по приметам. Сарафаны на всех баские, бабы веселые, так счастливы, будто весть услышали, что война проклятая

кончилась... Иван-то в лазаревой рубахе с закатанными рукавами, а мать твоя, покоенка, как бы от реки заходит, из цела, рожью идет. Вот подходит, лошадей останавливает, а у самой в руке пук крапивы с корнями надран. "Васька, - кричит на тебя, - ты чего это, паскудник, за Натахой в бане подглядывал?" И давай тебя по голым ногам крапивой жалить... Ваши-ле-ей, спиши, что ли?..

Кольнуло под сердцем Натальи: уж... Подошла торопливо, склонила голову к плечу, охнула. Перекрестилась, прикрыла синие глаза красными рубцами век. Взяла с табурета тальянку, прижала к себе, запричитала:

- Отыграл, Васильюшко-оо...

Страшно ей стало, тоскливо: рушилась жизнь, уходила из деревни. Смерть, безглазая ведьма, прятавшаяся в пустующих избах, махнула своей косой, как знать, чья теперь очередь.

Осиrotела деревня народом: из сорока шести домов, в пору былого величия ее, только на сенокос выходило до ста человек, а ныне полуживых старух колготится пятеро, Онучин был шестым. Последним мужиком. Бредет Наталья по деревне, так и хочется закричать: "Эй, мужики? Эй, бабы! Куда вы все подевались?.. Выходите на деревню, дорогу протопчим, ведь занесло до крыши!" Не аукнется народ, нет его. Старшее поколение на бусле лежит, молодое в городах о машинах хлопочет. Обошла Наталья товарок, донесла им горькую весть. Всем миром пошли к Онучину, как ходили в последние годы по всякой надобности. Осторожно ступали за порог, подходили к кровати, смотрели. Уселись около него, стали думу думать.

Лежал перед ними не дряхлый старик - отдохнуть прилег Васька-гармонист, удалой да пригожий, на жизнь способный. Девок любил страсть как, баб пуще того. Председателем колхоза был - каждое бревно по нему проехало, везде поспел, ко всякому ключик имел.

Строгий был, да отходчивый.

Кажется, сидет сейчас на кровати, объедет шальными глазами всех и каждую наособицу, к тальянке потянемся.

- Закислились, девки? Что нам тужить, когда не хрен прожить, - запевай, Егоровна!

Себя не обманешь, не вернется молодость весенней птицей, не растянет Васька тальянку. Тугая на ухо Марья обронила, что мужик ее, Иван Прокопьевич, перед смертью два гроба сделал, себе, да и ей. Коль Онучин раньше убрался - отдает домовину ему.

Нет к деревне следа, нет проследья. Почтальонка ходит на

лыжах, когда ей прикачнет, дунул ветер да спутал провода - сиди при лучине неделю другую. Нет мужиков, некому могилу выкопать, не на чем на буево свести.

- Бабы, стесняться нам друг дружки нечего: соборовать надо. Давай-ко Василья помоем, переоденем в чистое, - сказала Егоровна, самая сильная и решительная из старух. Егоровна еще держит корову, сама баранов режет. Засуетилась Парасковьюшка, сухой ощепок, достала из-за пазухи псалтырь, прокашлялась, хотела прочитать что-то, да Наталья махнула рукой: не время еще.

Онучин, Онучин... загадывал ли ты когда, что тебя разденут свои же деревенские бабы, с коими ты жизнь прожил рядом, изучат твое тело самым бессовестным образом, вымоят, полотенцем оботрут, как беспомощного какого, и оденут, наперекор смерти, в красную молодецкую рубаху?.. Любил Онучин жизнь, ой, любил! И пил, и гулял, и дело вел, ненасытный был до жизни. Поговаривали, что жена его, робкая и застенчивая Агафья, через эту любовь в доски ушла раньше времени. Так это или нет, один Бог знает да Наталья немного.

Чужая баба для него была сладче меду, чужой сарафан и пахнет приятнее. Наталья помнит, как, будучи пьяным, бранился и рычал, бросался с кулаками на Агафью, тогда она молила Пресвятую деву, чтобы отняла она у Васьки-гуляки мужскую силу. Прошло время, перебесился Онучин, на могиле жены хлестался, прощения молил, а жизнь-то боком да боком, будто и нежил. Полюбовник он был скрытный, за что уважаем подружками. Другой мужик и не поймал, да оципал, а за Онучиным такой славы не водилось. Этим он поселял в некоторых вдовушках ревность, желание отбить его, как навыхвалку...

- Подойди, птичка моя, - говорит Онучин. Стоит у свежесметанного зарода сена, распаленный, кряжистый.

- Подойди! - шепчет страстно.

Глаза горят, в лицо кровь бросилась.

- Вот еще, - играет с ним Авдотья.

- Ангел ты мой единственный... Век бы тебя на руках носил, голубка сизокрылая, - голос тихий и вместе с тем исполненный какой-то демонической власти. - Ночи через тебя не сплю, как представлю, что ты на моей груди...

- Ночи он не спит... а от кого Шурка родилась?

Божится Онучин, клянется всеми святыми. Авдотья как не слышит, подняла гордую головку свою, усмехается. Лестно ей, что такой мужик перед ней половинок расстилается, лестно и боязно: как да с сенокоса не все ушли, как да кто в кустах стоит,

слушает?..

- Зазнобушка, иссушила меня...

Авдотья старается не смотреть на Онучина, ступает мелкими шагками к нему. Привлек к себе, и она, кроткая овечка, задрожала вся, ласки ждет.

Целует в голову, в шею, сжимает в объятиях. Качнулось небо в глазах Авдотьи, зажмурилась в истоме, подогнулись ноги...

Положили Онучина на кровать, смотрят на стены, на пустую божницу, на комод, точно запоминают, где что лежит, где что висит.

- Дожили до тюки: нет ни хлеба, ни муки, - печально говорит Парасковьюшка.

Марья вытягивает лицо - не слышит, о чем речь.

- Девки у него сами уж бабки, разве приедут?.. Телеграммку бы отбить. Испилият дом, а жалко...

- Испилият, нынче модно ломать, не строить. Боюсь я, бабы, этого. Будто нутро выворачивают...

- Им что, анкаголикам, - говорит Егоровна, - у Кузьмовичовых ломали, так будто Мамай воевал. Одежку из сундуков вывалили, топчут, Катеринины исподки на себя примеряют, гогочут. "Эй вы, говорю им, собаки?" А тот, рыжий, топором давай посуду бить, рамы пинать, и все на меня оглядывается, похвалы ждет...

- Не заводили, не ставили, душа не сболит. Насколько же народ обурел, по дрова в лес не поедем, лучше пятистенок пилить, - говорит Наталья.

- Почитать, может? - теребит псалтырь Парасковьюшка.

- Ночь-та твоя, начитаешься, - грубо говорит Егоровна.

Много хлопот доставил им Онучин. До кладбища - шесть километров, опять к алкоголикам идти на поклон...

- Придется самим, - говорит Егоровна.

- Пустое несешь, - возражает Авдотья, некогда румяная да статная, нынче - яблоко сморщенное. - Ты-то, может, еще и кореник, а какие из нас пристяжные...

Егоровна исподлобья смотрит, щурясь, пренебрежительно говорит:

- Тебе ли скудаться, Овдошка, ты ведь на четыре года меня моложе.

- Моложе, да, - качнула головой Авдотья, - счет не по годам веди, по зубам.

Смеются старухи: у Авдотьи во рту один клык желтый, у Егоровны - железные протезы.

- Полы вымою, приберу, а там как Бог положит. Вот, бабы, что

кошка, и та беду чует. Гля, раньше все в ногах у Василья комались, теперь под лавку юркнула. Пушка, Пушка, иди ко мне, - говорит Наталья.

- Чего свечу-то не ставите? - спрашивает Марья. - Тяжело он с белым светом расставался.

- А ты почем знаешь? - кричит ей на ухо Егоровна.

- Болел долго, - отвечает печально скромная Марья.

- Поставим-ко, бабы, и свечу, и самовар да чайку попьём, будто и Василей с нами столоается, - предложила Наталья.

- Тогда я за вином сбражу, - говорит Егоровна. - Надо при жизни истребить нажитое, чтобы не тужить на том свете.

- Ой ли, - со страхом сказала Параковьюшка, - трех ден не прошло, грех.

- Домой? - тревожно спрашивает Марья поднявшуюся Егоровну.

- Сиди-сиди, - щелкает себе по горлу. - Помянем!

С уходом Егоровны всем стало не по себе, Егоровна была станивой жилой деревни, опорой, все настолько привыкли, что она будто мать над ними, редкий день кто проведет без нее. Егоровна не боялась никого и ничего, она даже прокурору Силинскому влепила затрещину, когда тот на празднике распустил лапы. Прокурору!

- Тальянку в музей отдадим, один парень приходил и денег давал, и пугал, что украдут, - сказала Наталья.

- Ну уж нет! - запротестовала Авдотья. - В голова поставим. Захочет Василей растянуть - она под рукой.

Старухи не могли удержаться, заревели. Авдотья стукнулась головой о дужку кровати. Пили какое-то заграничное вино, вкусом - клоп раздавленный, пили, как могли. Кто по глоточку, кто пригубил только. Расстегнула Егоровна кофту, поправила тяжелые груди, сказала: "Ну, дроля, играй, плясать пойду, споем напоследок нашенскую!"

- Как полоску Маша жала, золоты снопы вязала, ээ-еех молода-а!

- День-то какой, знамение тебе, Василей, - глянула в окошко Параковьюшка.

- До чего же ты под старость набожная стала, - хмыкает Егоровна, толкает под бок Марью. - Расскажи-ко, как в ваш колодец Параковьюшка чурку опустила.

Марья смеется, начинает рассказывать сто раз повторенный рассказ, оборачивается к Онучину, призывая того в свидетели. Молчит Онучин, нет ему дела до бабьих сплетен.

- Ты-то праведница, - поджимает губы Парасковьюшка. - Не с тебя ли Онучин мешок с колосками снял?

- Нашла чем попрекнуть! Да за это я ему в ноги поклонилась потом, что деток сиротами не оставил. Перестань, не со зла я... Расскажи-ко, Овдошка, как с Онучиным сено метали?

- Господи, - изумляется та, беспокойно ерзает, - веком, бабы, не бывало, вот-те крест.

Много кой-чего помнят эти старухи, все поведать - жизни не хватит. Вышла на небо луна, огляделась, прихорошилась, насколько глаз хватает разлито серебро свадебное, плавают в том серебре легкие тени заборов, деревьев, стогов соломы, блестят крыши черных домов. Бежит лисица, принюхивается. Теплится свет в окне Онучиных, стоит в головах покойника большая свеча, дрожит на ней прозрачное копье.

Спит на стуле Парасковьюшка, выпал из рук ее псалтырь, рассыпались почерневшие от времени листы по полу.

Утром провожали в дорогу Егоровну. Лыжня чуть заметна, до жилу брести да брести.

- Ну, подружки, коль дойду - трактор пригоню, нет - на мороз выносите. Когда-нибудь да кто-нибудь вспомнит о нас. Марья! За коровой вникай!

Неловко ступила шаг, оперлась на палки, другой - качнуло малость. Устояла, потыкала снег палками. Пошла.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слово автору</i>	3
<i>Из семейной хроники</i>	4
<i>Беспокойный человек</i>	11
<i>Бригадир</i>	18
<i>Нюра-голуба (из прошлого)</i>	27
<i>Мельник</i>	38
<i>Нужда</i>	47
<i>При пороге, при дороге</i>	51
<i>Сафониха</i>	56
<i>Русская изба</i>	60
<i>Иваниха</i>	65
<i>«Обчина»</i>	75
<i>Нечистая сила</i>	82
<i>Братья</i>	88
<i>Последний мужик</i>	100

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

МИШНЕВ СТАНИСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ
ПОСЛЕДНИЙ МУЖИК
Рассказы

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК А.А.Грязев
РЕДАКТОР А.А.Цыганов
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР Ю.П. Малоземов
КОРРЕКТОР В.А.Плотников
Подготовка к печати осуществлена
в КЦ ООО «Редакция газеты «Красный Север»
Е.В.Смирновой, М.В.Голубевой

Сдано в набор 20.11.97 г. Подписано в печать 25.12.97 г.
Гарнитура *SchollBook* Уч.-изд. 7,4 Усл.печат. л. 7,7
Тираж свободный

ИЗДАНИЕ ВОЛОГОДСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ 1998

Мишнев Станислав Михайлович родился в 1948 году в Тарногском районе Вологодской области. После школы трудился в совхозе, в настоящее время продолжает жить и работать на родине.

Рассказы С.Мишнева публиковались в областной печати, в 1990 году он выступил с большой подборкой своих произведений в коллективном сборнике прозы Северо-Запада "Под Большой Медведицей". Участник Всероссийского совещания писателей в Белоруссии.

С.М.Мишнев - уже сложившийся, самобытный писатель со своим языком, - ярким, свежим, образным. "Последний мужик" - первая книга писателя, издаваемая Вологодской писательской организацией.